
АЛЕКС ГЛАД
СЕМИМИРЬЕ
Возрождение
геоманта

Алекс Глад

Семимирье - 4. Возрождение Геоманта

Серия «Семимирье», книга 4

https://litres.ru/73096088
SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь в нашем мире последние пять лет не сахар. Как принято считать - маги не рассчитав силы перемудрили, и... Все насекомые мгновенно мутировали, в тысячи раз увеличившись в размерах. Жизнь сохранилась только в защищенных контурах за высокими стенами. И перспективы не видно. Я получил приказ явиться в качестве Геоманта в Академию экстремального выживания на Пальнору. В мир, более жуткий нежели мой родной. Туда, где больна сама земля, а не населяющие ее твари. Кто ж знал, что это лишь начало пути. Что там на мою долю выпадут не только испытания, там я обрету друзей, смысл жизни и цель...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	31
ГЛАВА 4	44
ГЛАВА 5	57
ГЛАВА 6	70
Глава 7	85
Глава 8	99
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Алекс Глад
Семимирье – 4.
Возрождение Геоманта

ГЛАВА 1

Тишина за стеной – самый коварный враг на Ульбранте. Она не пустота. Она страж. Замерший, притаившийся, и потому – в тысячу раз опаснее любого воя или скрежета жвал в ночи.

Я научился слышать не её, а то, что она скрывает. Едва уловимую дрожь в каменных плитах подвала. Легкую вибрацию, что ползёт из глубин, передаётся через фундамент, впитывается подошвами.

Сегодня утром неподалеку была стая. Небольшая, но голодная. Шли на север, к старым развалинам возле высохшего русла. Значит, там ещё есть чем поживиться. Или просто инстинкт гонит.

Мать выслушала мой доклад ответив одним кивком. Молча. Проверила запоры на внутренних воротах – движения быстрые, без лишнего усилия, отточенные ежедневной практикой на протяжении многих лет.

Её лицо, жёсткое, как тесаный гранит у нашего порога, не

дрогнуло. Ни тени тревоги. Только холодная концентрация. Моя же работа сегодня была не рутиной. Я отложил кирку, вытер руки о грубую ткань штанов. Руки – хороший инструмент. Шершавый, в шрамах и мозолях, но точный. На Ульбранте их так и ценили – не как часть человека, а как полезную, надежную вещь. Вещь, которую можно сломать, но пока цела – она должна работать.

– Тарэн… – голос матери был чётким, рубленым, без полутонов и колебаний.

Она стояла в дверях кухни. В её руках – свёрток из грубого пергамента и туго набитый холщовый мешок. Линия её губ тонкая, бескровная – жестко сжата.

– Пришло, – констатировал я.

Прежде ждал. С тревогой. Надеждой. И вот оно… Внутри всё сжалось в один тугой, холодный узел. Не страх. Пустота. Предчувствие той пустоты, что вот-вот разверзнется здесь, в нашем доме. Она придёт на смену привычному ритму, гулу генератора, скрипу насоса, тихому перешёптыванию сестёр за стеной.

Она вошла, положила свёрток на верстак, заляпанный окалиной и маслом.

– Из Поселения у Врат. Передал караванный охранник проездом. Вызов. Пальнора. Академия экстремального выживания. Требуется геомант. Ты еще не специалист, а интуит. Но им нормально, сойдет, не обучение, а квалификационная оценка… Таких как ты – на пальцах пересчитать.

Не хрономаг, конечно, один на все миры, но геомансеров во всём Семимирье – десятки. Тех, кто чувствует землю по-настоящему. Вот и…

Она умолкла. Вспомнились слова отца сказанные когда-то давно: учись слушать, чувствовать, ты станешь целителем для земли.

Здесь земля здорова. А там? Там я лекарь для трупа. Там впору практиковать некроманту. Бесполезная работа. Но платят не за результат, а за попытку. И эта оплата нам очень нужна.

Я однажды избежал призыва в нашу Ульбрантскую академию. Была бы стипендия, но ее мало для выживания. Деньги ничто. Где их тратить, если до ближайшего барыги два дня пути? Мать не геомант, она как и дети беспомощна. Я у них единственный кормилец. Но второй раз отмазаться от повестки не удастся.

Развернул пергамент. Шершавый, пахнущий чужим миром, пылью дорог и металлом портала. Печать Картэна – изящная, с завитушками. А поверх – угловатый, грубый оттиск: скрещённые кирка и щуп. Знак пальнорского гарнизона при академии экстремального выживания.

На этот раз приказ. Не предложение. Билет из вечной, размеренной осады – прямиком в самое пекло другого ада.

– Почему я?

– Потому что чувствуешь, – её взгляд буравил меня. Прямой, безжалостный, лишённый сантиментов. – Не только

здесь, под ногами. Тебя ведь проверяли. На Пальноре сама земля болеет. Её лихорадит, трясёт, корчит. Им нужен не покоритель стихии, не строитель. Им нужен диагност. Сапёр. Тот, кто услышит, где она готова разверзнуться.

– Надолго?

– Цикл обучения – полгода. Потом – по обстоятельствам, – она впервые за разговор отвела глаза. Уставилась в потолок, где висели связки сушеных трав. – Это шанс, Тар. Не для тебя. Для них.

Она кивнула в сторону глухой стены, за которой была теплица. Туда, где копошились Лина и Мира, возились с хрупкими побегами ягодных кустов.

– Закрепишься там – может, вызовут ещё кого из них. Куда угодно, главное отсюда. Или дадут квоту. На переселение. В Поселение. За главные стены. Под защиту гарнизона, а не одного ружья на крыше.

Вот и цена. Моя странная чувствительность, проданная за призрачный шанс на их относительную безопасность. Кусок мяса, брошенный в надежде отвлечь хищника.

Прагматично. Как кладка стены. Каждый камень держит вес не потому, что хочет, а потому что должен. И если его вынуть, рухнет всё.

– Я готов, – вздохнул я.

Других слов не было. Вообще. Отказаться – значило не просто остаться. Значило обречь их на вечную жизнь в этой каменной ловушке, где я был единственными ушами, слы-

шащими бурю за километр. Единственным щупом, тыкающимся в темноту. Без меня они ослепнут. Оглохнут. Станут вкусным мясом за стеной, которое рано или поздно кто-то почует. Вскроет эту консервную банку. Отпотчует…

Вечер был тихим и тягучим, как смола. Мы сидели за столом. Лина, вся в напряжении, начищала до блеска нашу единственную керамическую чашку – делала вид, что занята делом. Мира прилипла ко мне боком, молча, уткнувшись лицом в мой рукав. Дышала часто, мелко.

Ели похлёбку из добытых мной корнеплодов и остатков вяленого мяса. Говорили о ягодах в оранжерее, о скрипящей задвижке на резервуаре, о том, что завтра нужно проверить ловушки на крыше. Никто не сказал «береги себя». Здесь так не говорили. Никогда. Это сродни сглазу. Порче. Признанию слабости и уязвимости, которое могло привлечь беду.

Перед самым уходом, уже в сенях, где пахло кожей и маслом для оружия, мать вручила мне мешок.

– Паёк на три дня. Фляга. Нож твой, я наточила. И это… – она дала мне отполированный до зеркального блеска брусок чёрного сланца. Мой щуп. Длина предплечья, толщина в запястье. С одного конца – заострён, с другого – плоский, для удара. – Не теряй. Он тебя чувствует.

Я взял. Камень был тёплым от её рук. Пристроил его за спиной, под ремнём, где он лег ровно, привычно. Обнял Лину – она была твёрдой и несгибаемой, как столб, напряжённой, как тетива лука. Потом прижал к груди Миру – она

всхлипнула один раз, резко, и тут же вытерла лицо кулаком, стараясь не разреветься.

– Слушайте мать, – сказал я. Голос сорвался, стал хриплым. – Слушайте землю. Не ленитесь лазать на крышу.

Вот и всё. Больше нечего было сказать. Все слова уже сказала эта тишина, это напряжение в воздухе. У внутренних ворот, в полной, абсолютной темноте, мать сказала свое последнее слово. Шёпотом, который врезался в память чётче любого крика:

– Слушай землю, Тарэн. Всю дорогу. Доверяй глубине, а не поверхности. И помни: камень лжёт реже людей. Но если соврёт – смертельно. Без вариантов.

Эти слова когда-то принадлежали отцу. Я кивнул в темноту, хотя она не видела. Упёрся плечом в холодное, шершавое дерево. Задвижка, которую я смазывал на прошлой неделе, скрипнула оглушительно, разрывая тишину. Щель. Чёрный прямоугольник ночи, пахнущий свободой и смертью. Я выскользнул в него, не оглядываясь. Оглянуться – показать слабину. Слабина в стене – трещина. Нельзя оставить им трещину.

Путь до Поселения у Врат – два дня бега с оглядкой и ночевками не на земле, а в идеале на деревьях, в развилках толстых сучьев. Я мчался, не разбирая дороги – ноги знали её сами. Вехи ландшафта, вбитые в сознание с детства: кривая сосна-одиночка, чернеющая на рыжем фоне; груда ржавого металла, оставшаяся от докризисной маготехники; су-

хое русло с голыми, острыми камнями. Платину на дамбе прорвало пару лет назад. Что-то затопило, что-то обмелело.

Воздух чист, тих и мёртв. Ни птичьего щебета, ни жужжания насекомых. А я их помню, слышал с детства. Он исчез пять с половиной лет назад. Теперь только шелест моих собственных шагов по бурой, выжженной солнцем траве и свист ветра в ушах. Я бежал, весь превратившись в слух, в пятки, читающие землю сквозь подошвы. Каждый камушек, каждую кочку, каждую невидимую глазу впадину.

К концу первого дня почувствовал дрожь. Она ощутилась справа, метрах в трёхстах. Глубокая, расплывчатая. Что-то большое, тяжёлое копошилось в старом коллекторе, или обрушенном тоннеле?

Я замер, прислонившись к стволу сухого дерева, слушая кожей, костями. Нет, не на моем пути. Идёт параллельно, на юг. Не спешит. Я выждал, пока вибрации не отдалились, не растворились в общем фоне, и двинулся дальше, в сгущающиеся, багровые сумерки.

Бегу мягкой, стелящейся походкой. Твари как и я чувствуют вибрацию.

День позади. Снова ночь. Тьма. И усталость. Ночлег – в развалинах каменного сарая, не на чердаке – там мог завалиться потолок, – а внизу, в углу, где стены ещё целы. Рискованно, но спать на дереве в полном снаряжении – верный способ сверзиться вниз и сломать шею. Без огня, конечно.

Съел горсть безвкусных пищевых гранул, запил глотком

воды из фляги. Спал урывками, сидя, прислонившись к стене, ладонь прижав к каменному полу. Слушал вибрации даже во сне. Полудрема была полна образов: земля шевелится, трещит, из неё выползают тени с глазами из щебня.

На второй день, когда солнце уже пекло немилосердно, я увидел Поселение. Сперва – дым. Потом – частокол. Брёвна в три человеческих роста, заострённые сверху. Над ним – узкая галерея, где маячили темные, неподвижные фигуры охраны. Вокруг пояса поселения – выжженная пустошь, усеянная поблёскивающими на солнце костями и острыми кольями с нанизанными черепами поменьше. Четкая граница между жизнью и не-жизнью.

– Стой! С какого хутора? – хриплый окрик сорвался со стены.

Стражник. Лицо скрыто тенью от козырька шлема, только шрам через левое веко блеснул влажной полосой.

– С хутора Фел. По вызову, – я поднял руку со свитком.

Он приоткрыл крохотное, бронированное окошко в воротине, выглянул. Глаза быстрые, подозрительные. Проверил пергамент, сверил что-то с табличкой на собственном запястье.

– Геомант… – прочел он, и в его голосе прозвучало что-то вроде насмешливого сожаления. – Держись там, парень! На Пальноре косточки твои сначала обглодают, да и земля выплюнет, не пережевывая. Если, конечно, сама планета раньше не сожрет заживо. Чего только про те места не болтают…

Радушный приём, ничего не скажешь. Я промолчал. Слова здесь были лишним шумом. Он что-то покрутил с внутренней стороны, и тяжёлая калитка со скрежетом отъехала ровно настолько, чтобы можно было протиснуться боком. Я вжался в щель, почувствовал на спине холодное прикосновение брёвен.

Внутри Поселение гудело, как растревоженный улей. Запах ударил в нос – едкий микс пота, дыма, раскаленного металла от кузни, дешевого самогона и жирной похлёбки. Люди сновали туда-сюда – угрюмые, молчаливые, с оружием на виду: ружья за спиной, ножи на поясах, топоры в руках. Никакой суеты, только целеустремленная, жёсткая деловитость. Я прошёл напрямик, не задерживаясь, к массивному зданию из тёмного камня – портальной станции.

Арка возвышалась над площадью – черная, полированная, поглощающая дневной свет. Внутри неё – матовое, переливчатое мерцание. Ощущение словно смотришь в стоячую маслянистую воду. У подножия – портальщик в выцветшем до серости плаще. Он возился с хрустальным циферблатом, встроенным прямо в нагрудную пластину доспеха.

– Тарэн? С хутора Фел? – уточнил он, не отрываясь от работы.

– Я.

– Жди. Сейчас будет отправка в центр. Оттуда на Пальнору.

Я ступил на мозаичный круг, выложенный на полу перед

аркой. Камни под ногами были теплыми, почти горячими. Они вибрировали тонко, высоко, болезненно – чужеродная магия, режущая привычный фон Ульбранта, как нож масло.

Встал куда указали. Стою. Жду. Ощущения не из приятных. Волнения земли здесь слишком сильны. Всё нутро сжалось в немом протесте. Замутило. А потом накатило головокружение, и… Звуки Поселения – гул голосов, лязг металла – исказились, поплыли, растянулись в низкий, тягучий гул.

– Удачи, геомант!..

И тут же в сознание ворвался новый голос… Не снаружи, прямо в голове:

"Окно на Пальнору через пять минут. Стой в круге. Не дергайся, не шатайся. Выкинет не туда, ищи ветра в поле…"

Эх… Думал удастся взглянуть на центральное поселение.

Арка вспыхнула. Не светом, а густым, маслянистым сиянием, которое, казалось, не освещало, а поглощало пространство вокруг.

"Шаг вперед. Не посрами Ульбрант!" – донёсся до меня сквозь нарастающую какофонию в ушах мысленный голос невидимого портальщика.

Иронии в нём уже не было. Была какая-то усталая серьёзность.

Я сделал шаг. Внутрь сияния. В разлом.

Меня вывернуло. Не физически. Как-то иначе. Протянуло сквозь сито из иголок и огня. Растянуло в тонкую, больную нитку, а потом собрало обратно – криво, с ощущением, что

все внутренности не на своих местах. В висках загрохотало. В ушах завыло. В глазах поплыли багровые и зелёные пятна. И запах…

Не стерильная прохлада портальной камеры. Не знакомая пыль Ульбранта.

Едкая кислота, въедающаяся в ноздри. Сладковатая, тошнотворная гниль. Раскаленный камень и сера. И под всем этим – что-то ещё. Живое, чужое, дышащее. Запах Пальноры. Запах больного, неумолимо умирающего мира.

Я открыл глаза, закашлялся сухим, спазматическим кашлем, едва устоял на ватных, не слушающихся ногах.

Контраст с Ульбрантом ударил по сознанию, как обухом.

Небо. Оно было низким, давящим, цвета ядовитой меди и грязной желчи. Не однородным – клубящимся, переливающимся, как поверхность гноящейся раны. Воздух не просто вонял, он был ощутим – дрожал, гудел на низкой частоте, словно где-то работал гигантский, разбитый мотор. Где-то далеко, за горизонтом, прокатился глухой раскат – не грома, а подземного взрыва?

И прямо передо мной – Академия.

Не академия. Крепость-урод. Грубая, приземистая, лишённая всякой эстетики, кроме эстетики выживания. Стены сложены из спеченных магией пористых плит, похожих на застывшую лаву или шлак. Ни башен, ни украшений. Только узкие, как бойницы, окна, щелями врезанные в толщу камня. Над массивными, окованными чёрным металлом врата-

ми был высечен знак: стилизованная гора, рассеченная пополам глубокой трещиной. И под ним, буквами, вбитыми в камень с такой силой, что они казались частью изначального рельефа начертано: «Бди. Чувствуй. Выживай…»

Я сделал шаг с портального круга. Нога утонула не в земле, а в тёплой даже сквозь сапоги, шелковистой, серо-жёлтой пыли. И пыль эта… зашевелилась. Отпрянула от обуви, как живая, обнажив на мгновение тёмный, потрескавшийся камень, а потом тут же поползла назад, пытаясь охватить подошву. Неторопливо, любопытно.

Я дернул ногу, резко. Холодок, острый как лезвие ножа, пробежал от копчика до затылка.

"Камень лжёт реже, чем люди", – пронеслись в голове уверенные слова матери.

Я вдохнул полной грудью ядовитый, вибрирующий воздух, посмотрел на стены. Казалось, они дышали тихой, каменной ненавистью ко всему живому. Почувствовал под ногами злой, чужой, незнакомый гул этого мира.

Вот и новая кладка. И здесь, на Пальноре, камень – главный лжец и убийца. И мне, ульбрантскому геоманту, предстоит либо выучить его язык лжи, распознавая с первого слова, либо очень быстро стать его жертвой.

Сзади, слева, хрустнул гравий. Резко, не в такт общему гулу. Я обернулся на звук, рука сама потянулась к рукояти ножа у бедра.

Из тени у стены портальной площадки вышел человек.

Невысокий, коренастый, в потрёпанной, но прочной одежде цвета пыли и пепла. Лицо обветренное, покрытое сеткой мелких морщин, с умными, быстрыми глазами цвета стальной стружки. Эти глаза окинули меня оценивающим взглядом с головы до ног ровно за секунду. Без враждебности. С холодным, профессиональным интересом. Как смотрят на новый инструмент.

– Новенький? – голос был хрипловатым, привыкшим перекрывать постоянный гул фона. – С Ульбранта, если судить по отсутствию блеска в глазах и наличию здравого смысла в экипировке. И по тому, как ты на пыль посмотрел. Местные к ней уже привыкли.

Я кивнул, не расслабляя плеч. Пальцы оставались в сантиметре от рукояти ножа.

– Инструктор Горн, – коротко представился он. – Выживальщик. Коренной пальнорец. Моя задача – сделать так, чтобы такие как ты не стали удобрением для местной флоры в первую же неделю. Понял?

– Понял, – отозвался я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Отлично. Первый урок, бесплатно, – он ткнул коротким, толстым пальцем в ползучую пыль у моих ног. – Это не пыль. Это споры. Дремлющие. Твоё прибытие, портальный выхлоп, их разбудил. Они сейчас изучают тебя. Обнюхивают, так сказать. Через час начнут пробовать на вкус – выделять слабую кислоту. Через два – если стоять на месте, – прорастут прямо в кожу сапог, будут искать щель. Вывод?

Я посмотрел на свою ногу, покрытую шевелящимся серо-жёлтым налётом, потом на него.

– Не стоять на месте?

Уголок рта Горна дёрнулся – что-то вроде улыбки, лишённой всякой теплоты.

– Соображаешь. Значит, не совсем безнадёжен. Идём. Покажу, где будешь коротать ночь до распределения по группам. И запомни главное правило Академии, его нет на стене, его нигде не напишут…

Он уже повернулся, чтобы идти, но обернулся, глядя мне прямо в глаза. Его взгляд был прямым и острым, как лезвие:

– Правило простое: Доверяй только тому, что можешь пощупать, проверить и, в случае необходимости, убить. Всё остальное здесь – или иллюзия, или смерть. Часто – и то, и другое сразу. Выбирай.

И он зашагал прочь, не оглядываясь, абсолютно уверенный, что я последую за ним. Что выбора у меня нет.

ГЛАВА 2

Я бросил последний взгляд на мерцающий, уже угасающий портал за спиной. На ту щель в реальности, что на секунду соединила меня с не с домом, но родным миром. Щель погасла. Осталась только грубая арка из того же пористого камня. Путь назад отрезан. Во всяком случае, сейчас.

Осталось только идти вперёд. В пасть этого нового, чужого, дышащего ненавистью мира.

Я стиснул ремень мешка, почувствовал под пальцами знакомую шершавость обмотки щупа за спиной, и пошёл. Твёрдо, стараясь не вязнуть в спорах, за инструктором Горном, вглубь крепости, вглубь Пальноры. Мои первые шаги по этой ядовитой, живой земле отдавались в висках тяжёлым, чётким стуком, в такт девизу на воротах: «Вы-жи-вай. Вы-живай. Вы-жи-вай».

Инструктор Горн шагал быстро и неудержимо, как селевой поток. Он не оглядывался, не проверял, иду ли я. Его спина, широкая и чуть сутулая, говорила сама за себя: Успевай. Отстанешь – твои проблемы.

Я едва поспевал, стараясь ставить ноги так, как делали это местные на площади – быстро отрывая подошву от земли, не давая спорам зацепиться. Они вмиг облепляли сапоги липким налётом, пытались заползти под шнуровку, но пропитанная маслом и каким-то едким составом кожа, похоже, бы-

ла им не по вкусу – через несколько шагов споры отваливались сухими, мёртвыми хлопьями.

Крепость изнутри оказалась ещё суровее, чем снаружи. Мы вышли на широкий, вымощенный неровным булыжником двор. Камни были тёмные, вулканические, впитывавшие свет и тепло. Все вокруг – приземистые, без окон, бункероподобные здания – было выдержано в унылой гамме: пепельно-серый, грязно-бурый, цвет ржавчины. Ни намёка на зелень. Ни деревца, ни кустика, ни даже жёлтой травки меж камней. Только в самом центре двора торчала странная конструкция – что-то вроде каменного гриба или навеса, под которым тускло мерцал, подрагивая, магический кристалл размером с голову. Свет от него был синим, болезненным, он не освещал, а скорее подчёркивал мрачность царящую вокруг.

– Площадка для экстренной связи, – бросил через плечо Горн, не замедляя шага, но заметив направление моего взгляда. – Кристалл ловит отголоски магнитосферы, когда та успокаивается. Происходит это раз в десять дней, если повезёт. Не рассчитывай. Очередь желающих отправить весточку – длинная.

Он свернул в низкую, тёмную арку, ведущую в узкий, похожий на каньон или шахтный штрек переулок между двумя блоками. Здесь пахло ещё резче, химически – щелочью, кислотой, металлической стружкой. И сквозь эту вонь пробивался другой, дразнящий запах – жареного мяса. Настоящего. Я ел его раньше. В детстве. А в последние пять лет –

считанные разы, но забыть этот аромат невозможно. Да, точно: из распахнутой двери слева, откуда лился тёплый, рассеянный свет и доносился гул голосов, несло именно им. Мой желудок, после двух дней сухпайка в пути, предательски и громко заурчал.

– Столовая, – кивнул Горн в сторону двери, и в его голосе прозвучала та же сухая усмешка. – Кормят сносно. Если не придираться к происхождению белка и не задавать лишних вопросов. Следующая дверь – твоя на сегодня.

Он остановился у неприметной, покрытой толстым слоем краски и ржавчины железной двери. Она была испещрена глубокими царапинами, будто по ней точили когти. Инструктор достал из кармана куртки небольшой брусок, похожий на мел или засохшую глину, и провёл им по центру двери. Раздалось короткое, энергичное шипение, как от раскалённого металла, опущенного в воду. Дверь отъехала в сторону с сухим, скрежещущим звуком.

Внутри пахло. Пахло сильно: пылью, потом, старым деревом, озоном после магии и ещё чем-то кислым – то ли немытыми телами, то ли консервами. Это была казарма. Длинное, низкое помещение с двумя рядами двухъярусных коек. У каждой – тумбочка из жести да крюк для вещей на стене. Освещение – несколько тусклых магических шаров, пляриcов, под потолком.

Из примерно двадцати коек занято меньше половины. В дальнем углу, под самым ярким шаром, сидели четверо

и что-то азартно, но беззвучно обсуждали, перебрасываясь друг с другом костяными фишками. Они замерли, все разом обернувшись на скрежет двери.

Молодые парни. Но молодость здесь была другого свойства – не мягкая, не гладкая. Лица загорелые, обветренные, с ранними морщинами у глаз. У одного – коренастого, с плечами землекопа и руками, толщиной в моё бедро, – взгляд был оценивающим, немного враждебным. Другой, долговязый и веснушчатый, беззлобно ухмыльнулся, обнажив кривые зубы. Третий, со шрамом через скулу и умными, быстрыми глазами цвета мокрого асфальта, просто молча кивнул. Четвёртый, просто наблюдал, спокойный как камень.

– Новенький, – рявкнул Горн, и его голос гулко отозвался в каменном мешке помещения. – Тарэн, с Ульбранта. Геомант. Не трогать, не грузить понапрасну, не вести в опасные зоны без моего прямого приказа. Уяснили?

– Так точно, инструктор! – почти хором, но без особого энтузиазма, отозвались четверо из угла.

В их голосе была не армейская дисциплина, а привычное, уставшее уважение к опасности, которую Горн, видимо, олицетворял в полной мере.

– Вольф, – ткнул пальцем в коренастого. – Землекоп, сапёр. Знает грунты, как свои пять пальцев. Вы, думаю, найдёте общий язык. Или перебьёте друг друга – мне в принципе всё равно. Спишем, бывает. Но от живых пользы больше. Ларс, – кивнул он на долговязого. – Биомеханик, а по совме-

стительству – наш главный знаток всей ползающей, летающей и прыгающей биорастительной мерзости. Если что укусило – к нему. Келлан, – указал на человека со шрамом. Его лицо оставалось совершенно бесстрастным. – Скаут. Лучший следопыт на пять оставшихся миров по версии выживших. Пока ещё не стал чьим-то обедом, что уже о многом говорит. И Леха, – махнул рукой в сторону того, что молчал: – Тоже новенький, но уже обкатанный. Бывалый. Фамильяра жаль нет, но это не мешает. Знание о том, кто он – тебе не поможет. Главное, он знает, как не умереть.

Келлан снова кивнул, его пронзительные глаза продолжали сканировать меня с холодным, почти хищным интересом.

– Они твои соседи по этому склепу, – подчеркнул Горн. – Не друзья, не братья. Соседи. На Пальноре дружба и привязанности – непозволительная роскошь. Такая роскошь, чаще всего ведёт на кладбище, причём за компанию. Держись с ними – твои шансы выжить повысятся. Начнёшь переживать за них – умрёшь первым. Выбор за тобой. Выбирай свободную койку. Расписание на завтра – на доске у выхода. Опоздаешь на утренний инструктаж хотя бы на минуту – будешь выгребать гущу из отстойных колодцев. Вопросы?

Вопросов было много. Но задавать их этому человеку, казалось бессмысленным занятием. Он говорил языком простых фактов, прямых угроз и неопровержимых законов выживания. И это, как я уже начинал понимать, был единственный язык, имевший здесь вес.

– Отлично, – Горн развернулся к выходу, но на пороге задержался. – И ещё, Ульбрантец. Завтра к нам прибывает группа картэнских адептов. Учебная практика.

И что мне до них?

Я отлежал на койке час, пока соседи что-то ругали и играли в кости. Желудок сводило спазмами – запах жареного мяса не выветривался из носа. Игнорировать его было бессмысленно. Телу нужны силы, а не бодрость духа.

Встал. Пошёл к двери. Вольф, тот коренастый, посмотрел на меня с усмешкой.

– Сожрать чего захотелось, новичок? Иди. Только ложку с собой бери. А то дадут вонючую деревяшку облизанную.

В углу у двери стояла кадка с облупленными металлическими ложками. Я взял одну, потрогал черенок. Холодный, шершавый. Вышел за дверь.

Запах стал гуще, почти осязаемым. Дверь столовой была не закрыта, а распахнута внутрь на петлях. Свет лился наружу – жёлтый, неровный, от керосиновых или магических ламп. И шум. Не гвалт, а низкий, плотный гул десятка голосов, звон посуды, скрип скамеек.

Я зашёл внутрь. Помещение было просторным, но низким. Каменный пол, грубо сколоченные длинные столы и лавки. Стены – те же пористые плиты, но здесь они были закопчены до черноты. Дымоход где-то в углу явно не справлялся. Воздух стоял тяжёлый: пар от еды, дым, запах немытых тел, влажной шерсти и того самого мяса – жирного, на-

стоящего.

За раздачей – женщина. Крепкая, ширококостная, с руками как лопаты. Лицо – плоское, без эмоций. Она черпала что-то из большого чугунного котла. Рядом на столе – ломти хлеба, тёмного, плотного, настоящего. И куски мяса на огромном блюде. Мясо было тёмно-коричневым, с поджаристой корочкой, плавало в мутноватом жире. От него и шёл дразнящий аромат.

Очереди не было. Подошёл к раздаче. Женщина посмотрела на меня пустыми глазами.

– Новенький. Паёк по норме А.

Она шлёпнула в мою миску густую похлёбку с кусками корнеплодов. Потом щипцами – кусок мяса, с капающим жиром. И ломоть хлеба. Всё без слов.

Нашёл свободное место в конце стола. Сесть пришлось рядом с двумя местными – они ели молча, быстро, не отрываясь от мисок. Я воткнул ложку в похлёбку. На вкус – солёная, с привкусом дыма и какой-то незнакомой, горьковатой травы. Съел. Потом взял мясо. Оно не поддавалось ложке. Пришлось взяться руками.

Мясо было жёстким. Волокнистым. Его нужно было рвать зубами, долго жевать. Вкус – дикий, насыщенный, не телятина или свинина, как в прошлом. Что-то другое. Дикое. Лесное. Может, местная тварь, может, импорт. Но это было МЯСО. Настоящее. Жир тек по пальцам, застывая липкой солоноватой плёнкой. Я ел, стараясь не чавкать, чувствуя, как

каждый кусок наполняет желудок тяжёлым, долгожданным теплом.

Соседи доели, встали, унесли миски куда-то в угол, к бочке с водой. Я последовал их примеру. Сполоснул миску и ложку в прохладной, мутной воде. Вытер руки о штаны. Ложку забрал с собой.

На выходе, у двери, стоял тот самый Келлан. Курил самокрутку с едким, травяным дымом. Он кивнул на мои руки, ещё блестящие от жира.

– Почувствовал разницу? Между нашим пайком и ульбрантскими гранулами?

– Да, – сказал я, констатировав: – Мясо жёсткое.

Он фыркнул, выпустил струйку дыма.

– Жёсткое – это ладно. Главное, что оно есть. Здесь еда – топливо. Или ты её, или она тебя. Завтра на марше поймёшь.

Он отшвырнул окурок, который тут же зашипел в луже. Развернулся, пошёл к казарме. Я посмотрел на свои ладони. Жир уже впитался, кожа стала просто липкой. Запах мяса въелся в пальцы. Надолго.

Я тоже пошёл назад. В казарме стало тише. Кто-то уже спал. Я тоже лёг на свою койку, руки за голову. Желудок полон, тело отяжелело. Запах со столовой всё ещё витал в ноздрях, перебивая казарменную вонь.

Дикое мясо. Жёсткое топливо. Первый здешний урок, который усвоило тело, а не разум. Здесь всё будет таким – грубым, простым, без полутонов. Или съешь, или съедят тебя.

Дома в последние годы так же, но тут кажется положение жестче.

С этими мыслями я и провалился в сон. На этот раз без сновидений.

Сон пришёл тяжёлый, как удар по голове. И в нём не было Пальноры.

Был запах. Другой. Тёплый, плотный, знакомый до слёз – запах жареной свинины с луком. Запах дома. Нашего старого дома, до того как стены стали выше, а окна – уже.

Я видел кухню. Не каменный мешок, а просторную комнату с большим деревянным столом. На столе – глиняная миска с дымящимся мясом. Розоватые ломти, обжаренные до румяной корочки, в луковом соку. Рядом – свежий хлеб, ещё тёплый, и деревянная солонка.

Мать была моложе. Лицо не жёсткое, а просто уставшее. Улыбка в уголках глаз. Она накладывала мне в тарелку. Полную тарелку. Не по норме. Просто потому что.

– Ешь, Тар, не копайся. Отец скоро придёт.

Отец… Его лицо я уже почти не помнил, но во сне оно было чётким. Широкие плечи, смеющиеся глаза. Он садился за стол, хлопал меня по плечу. Рука тяжёлая, тёплая.

– Молодец, сын, дрова колол? Заслужил.

Звуки. Не гул генератора, а тихое потрескивание дров в печи. Стук ножей о фаянс. Смех Миры, ещё совсем маленькой, сидящей на подушках. Лёгкий ветер за окном, шелест листьев на деревьях. На берёзах. Я был уверен во сне, что

это берёзы.

Я брал кусок мяса. Оно было нежным. Таяло во рту. Соль, перец, сок… Настоящий вкус. Не просто калории. Радость. Простота. Ощущение, что мир прочен и безопасен. Что стены нужны только от ветра, а не от того, что ползёт в ночи.

Потом картинка дрогнула. Запах лука сменился. На сладковатую гниль. На гарь. Тёплый свет лампы померк, стал жёлтым и неровным, как свет пляриса в казарме. Звук ветра превратился в тот самый низкий, злой гул Пальноры.

Я проснулся. Резко. В темноте. Рот был пуст, но на языке ещё стоял привкус того, давнего мяса. Привкус потерянного мира. Мне было тринадцать, когда в последний раз сидел рядом с отцом.

А сейчас лежал и смотрел в потолок. Вспоминал не сон, а реальность. Ту самую свинью, которую зарезали перед первой зимой после Катаклизма. Её крик. Горячую кровь на снегу. Мать, которая тогда не плакала. Она просто разделывала тушу быстрыми, резкими движениями. А потом мы ели это мясо всю зиму. Каждый кусок был на вес золота. Последний.

Больше скотину не держали. Нечем было кормить. Да и твари вынюхивали быстро.

Я перевернулся на бок, лицом к стене. Холодный камень пах пылью и плесенью. Привкус сна медленно растворялся, вытесняемый знакомой горечью на языке.

Тот мир умер. Остались только его крохи в памяти. И в снах, которые здесь были опаснее любой твари. Потому что

размягчали душу. Делали её уязвимой.

Я сжал кулаки, вдавил ногти в ладони. Острая боль вернула в настоящее. В казарму. В гул Пальноры. В завтрашний выход в «Трещину».

Сны – роскошь. Мясо из прошлого – яд для того, кто должен выживать сегодня.

Больше я не спал. Лежал и слушал, как за спиной храпит Вольф, и как где-то далеко, в глубине мира, содрогается в конвульсиях больная планета.

Утренний горн прозвучал не как музыка, а как предсмертный хрип. Металлический, рвущий слух. Я вскочил с койки за секунду до того, как Вольф швырнул в меня свернутое в комок одеяло.

– Подъём, Ульбрантец! Горн ждать не любит!

В казарме царила деятельная, молчаливая суета. Все одевались, проверяли снаряжение с автоматической, выверенной годами быстротой. Я последовал их примеру, натянул грубые штаны и куртку из плотной, пропитанной чем-то пахучим ткани, пристегнул нож, сунул за пояс щуп.

Расписание на доске гласило коротко и ясно: 07:00 – Площадь. Вводный инструктаж. Выход в зону «Трещина».

Келлан, проходя мимо, ткнул пальцем в последние слова.

– Легкотня. Разведка боем для новичков и картэнских неженок. Но «лёгкое» на Пальноре значит «смертельное всего в трёх местах, а не в десяти». Иди за мной.

Мы высыпали на площадь. Утренний воздух был холод-

ным и едким. Туман слегка рассеялся, открыв багрово-жёлтое небо. На площади уже стояли несколько групп. Местные, похожие на моих соседей – подтянутые, молчаливые, с практичным снаряжением. И… они.

Картэнские адепты. Это почему-то сразу понял.

Едва мы приблизились, одна из девушек отделилась от толпы и кинулась на шею к Лехе. Тот обнял её. Приподнял. Закружил вокруг себя. На сгибе её руки сидела странная, улыбающаяся зверушка. Как только не уронили?

Наверное знакомые.

Их было человек двадцать. Они выделялись, как яркие птицы в стае ворон. Легкие, стильные плащи с вышитыми гербами, отполированные до блеска элементы доспехов, у некоторых на плечах или в сумках сидели фамильяры – изящные кошки, птицы, одна даже миниатюрная ящерица, еще какие-то неведомые мне звери. Они говорили громко, смеялись, жестикулировали.

Двое юношей что-то оживленно обсуждали, размахивая руками, в которых вспыхивали маленькие, безобидные магические огоньки. Девушка с чёрной кошкой на плече смотрела на окружающее с брезгливым любопытством словно делала одолжение самим фактом присутствия. Собственно она была красива. Я таких прежде не видел. Да и откуда в нашем захолустье?

И среди них – группа, которые явно были будто не из их мира. Именно из их компании выскочила, та кого сейчас

кружил Леха. Трое парней и пять девушек в простой, удобной одежде, с напряженными, изучающими взглядами.

Один из парней постоянно оглядывался, оценивал углы, высоту. Девушка рядом с ним – молчаливая, с холодными, проницательными глазами, и неведомой зверушкой, которую я никогда даже на картинках не видел. И ещё одна девушка, выглядевшая потерянной, её пальцы нервно перебирали края плаща.

«Земляне», – мелькнуло у меня.

ГЛАВА 3

Инструктор Горн, стоя на невысоком каменном блоке, оглушительно свистнул. Все замолкли.

– Слушать! Группа «Альфа» – с Келланом на восточный сканерный пост, начало пути идем вместе. «Бета» – с Вольфом, укрепление северной стены. «Гамма» – новички и гости! Со мной! Леха со мной. Переводить им будешь, чтобы поняли.

Он соскочил с блока и двинулся к главным воротам, не удостоив картэнцев даже взглядом. Мы, «Гамма», потянулись за ним. Местные шли сплоченно, мы, новички, – кучкой. Картэнцы отставали, продолжая тихо переговариваться.

– Сегодня ваша задача – пройти пять километров по маркированной тропе до смотровой площадки у «Трещины» и обратно, – рявкнул Горн, не оборачиваясь. – Кажется просто? Заблудиться нельзя – тропа помечена. Напороться не на кого – зона патрулируется? Ошибка. Первая опасность – грунт. Зыбучие пески, кислотные лужи, споровые выбросы. Вторая – флора. Всё, что растёт, либо ядовито, либо хищно, либо и то, и другое. Третья – ваша собственная глупость и магия. На Пальноре магический фон нестабилен. Попытка бросить даже самый простой огонёк может обернуться цепной реакцией и взрывом газового кармана. Поэтому использовать магию – только в крайнем случае и с моего разреше-

ния! Понятно?

– Но как же мы… – начал один из картэнских юношей.

– Заткнись! – оборвал его Горн. – Здесь ты выживаешь ногами, глазами и головой, а не своими кривыми заклинаниями! Первое нарушение – отправляешься обратно в крепость чистить туалеты! Второе – останешься здесь навсегда, в качестве корма для спор!

Картэнец смущенно замолчал. Землянин в простой одежде топавший рядом с ним, незаметно переглянулся с Лехой и усмехнулся. Они точно были знакомы.

Ворота с грохотом разъехались. Перед нами открылась панорама Пальноры во всей её ужасающей красоте. Бесплодные, рыжие холмы, испещренные глубокими трещинами, из которых валил пар. Леса странных, искривленных деревьев с синеватыми, блестящими листьями. Вдали, на горизонте, вздымался конус вулкана, извергающего не огонь, а черный, тягучий дым. Воздух звенел от жара и ядовитых миазмов.

Горн шагнул за ворота и жестом показал на узкую, едва заметную тропинку, уходящую меж ядовито-желтых кустов.

– Пошли. Я впереди. Келлан замыкает. Шаг в сторону – и твои родные получат письмо со словами «пропал без вести». Вперёд!

Мы двинулись. Я шёл в середине группы, стараясь держаться поближе к местным. Они шли уверенно, их ступни ставились на грунт с особой осторожностью, будто они чувствовали его нутром. Я попытался сделать то же самое. Рас-

слабил ноги. Позволил себе «слушать» землю через подошвы.

И сразу почувствовал разницу. Где-то слева, в паре метров от тропы, грунт был зыбким, ненадежным – под тонкой видимой глазу коркой скрывалась пустота. Прямо по курсу, через десяток шагов, – участок с повышенной кислотностью, от него шла едкая вибрация. И везде, повсюду, этот злой, фоновый гул, словно мир стонал от боли.

«Хороший инструктаж», – подумал я с мрачной иронией.

Теория оживала самым наглядным образом.

Мы прошли около километра, когда сзади раздался возглас. Один из картэнских адептов, тот самый, что пытался спорить, отстал. Он стоял, зачарованный странным, мерцающим синим цветком, растущим прямо у тропы.

– Какая псионическая аура! – восторженно произнёс он и потянулся рукой, чтобы сорвать его.

– Не трогай! – рявкнул одновременно Горн и землянин-парень.

Но было поздно.

Пальцы адепта коснулись лепестка.

Цветок не срывался. Он взорвался.

Не громко. С тихим хлопком, выпустив облако сверкающей синей пыли прямо в лицо картэнцу. Тот вскрикнул, отшатнулся, потер глаза. И через секунду его крик стал пронзительным, полным ужаса.

– Я не вижу! Я ослеп! Магия! Всё темно!

Он замахал руками, потеряв ориентацию, и сделал шаг… не на тропу. В сторону. Туда, где я за секунду до этого почувствовал зыбкость.

Грунт с мягким, чавкающим звуком поплыл у него под ногами.

– Ложись! Раскинь руки! – заорал Горн, уже бросаясь назад.

Но картэнец, ослеплённый и в панике, лишь сильнее забился, пытаясь выбраться, и погружался в жидкую грязь всё быстрее. Уже по колено. По пояс.

И тут произошло то, чего я никак не ожидал.

Землянин-парень, которого представляя назвали как Леху, двинулся. Не задумываясь. Стремительно, с какой-то кошачьей грацией, он рванул с тропы, но не прямо к тонущему, а по дуге, прыгая с кочки на кочку, с выступа на выступ – туда, где грунт, как я чувствовал, был ещё твёрд. Он оказался рядом с погружающимся картэнцем за три секунды.

– Хватай! – крикнул он, лёг на край зыбкого пятна и протянул руку.

Адепт не видя, чисто интуитивно вцепился в неё мёртвой хваткой. Леха начал тянуть, но его самого начало засасывать. Его лицо исказилось от напряжения. Я не думал. Ноги сами понесли меня вперёд. Я присел, ударил кулаком по земле рядом с собой, отправляя в неё импульс – не магии, а воли, приказа. «Замри. Сцелись».

Почва на краю зыбуна содрогнулась, на мгновение уплот-

нилась, образовав нечто вроде корки. Этого хватило. Леха, почувствовав опору, рывком вытянул картэнца из трясины. Они оба откатились на твёрдый грунт, покрытые липкой, дурно пахнущей грязью.

Тишина повисла над группой, нарушаемая только хриплым дыханием спасенного и тихим ругательством Лехи, вытирающего грязь с лица.

Горн подошёл, его взгляд метнулся от ослепшего, рыдающего адепта к Лехе, потом ко мне. В глазах инструктора мелькнуло что-то похожее на уважение.

– Ну что, господа теоретики? – спросил он ледяным тоном, глядя на остальных картэнцев, побледневших и притихших. – Усвоили первый урок? Здесь красота убивает моментально. А глупость убивает еще быстрее. Келлан, отведи этого балбеса в лазарет. Остальные – дальше. И да… – он кивнул мне. – Неплохо. Для первого дня.

Мы двинулись снова. Леха, поравнявшись со мной, кивнул коротко и сухо.

– Спасибо. Чуть было не влип.

– Землянин? – спросил я так же тихо.

Он на секунду насторожился, потом усмехнулся без веселья.

– Да. Леха, – на этот раз лично представился он. – А ты?

– Тарэн, – отозвался я осознав, что вчера меня не представили. – С Ульбранта.

– Геомант, да? Чувствовал, где можно наступить?

– Да.

Он кивнул, как будто поставил в уме галочку. Девушка с улыбающейся зверушкой, та с которой обнимался Леха на сборе, наблюдала за нами с расстояния, её лицо было непроницаемым.

Мы шли дальше, и предупреждение Горна о «лёгкой» миссии теперь висело над нами, тяжёлой и незримой угрозой, как дамоклов меч. Каждый шаг отдавался в висках напоминанием: здесь тебя может убить даже красота.

Где-то в глубине, под ногами, злой гул мира становился чуть громче, чуть навязчивее. Словно Пальнора, доселе дремавшая, наконец пробудилась. И теперь с холодным, непостижимым интересом наблюдала за нашей процессией, ползущей по её ядовитой, дышащей коже. Я чувствовал этот взгляд спиной – незримый, давящий. Как на Ульбранте чувствовал, когда за тобой из тёмного закоулка следят глаза жука-разведчика. Только здесь «закоулок» был целым миром.

Обратный путь в крепость выдался тяжёлым и молчаливым. Не столько от усталости – хотя липкая жара и едкие испарения из трещин выжимали из пор последнюю влагу, – сколько от гнетущей, всеобщей подавленности. Кратковременная эйфория от удачного спасения сменилась тяжёлым, как свинец, осознанием хрупкости всего. Один неверный шаг, одна секунда замешательства или любопытства – и ты или кто-то мёртв. Или хуже того – обуза. Тут не знаешь, что лучше.

Группа шла теперь кучнее, плотнее. Картэнские адепты перестали болтать, перестали показывать фокусы с огоньками. Они шли, вжав головы в плечи, вздрагивая от каждого странного скрежета или шелеста в ядовитых зарослях по сторонам тропы. Каждый куст теперь казался затаившимся хищником. Возможно так и было.

Ослепшего юношу, которого звали Феликс, вели под руки два его приятеля. Он шёл, спотыкаясь на ровном месте, всхлипывая и бессвязно бормоча заклинания. Заклинания, которые, судя по пустым, отчаянным интонациям, не работали. Споры того синего цветка обладали сильным магическим дурманом, блокирующим не столько глаза, сколько саму связь мозга со зрением. Лекарь в лазарете потом сказал, что пройдёт, но нервная система такой удар запоминает навсегда.

Но это потом, а пока…

Горн шёл впереди, не оборачиваясь. Его широкая спина, казалось, излучала не просто презрение, а ледяное, безразличное раздражение ко всей этой ситуации. Как мастер-оружейник, вынужденный раз за разом объяснять детям, что ствол у ружья – не для того, чтобы в него смотреть.

Инцидент наглядно, кроваво-грязно показал всю пропасть между местными выживальщиками, у которых осторожность въелась под кожу, и приезжими. Для последних опасность была теорией, картинкой в учебнике. Пропасть, которую одним вводным инструктажем не преодолеть. Её

можно было только увидеть, подойдя к самому краю. Как этот Феликс.

А Леха меня впечатлил. Никогда не видел такой скорости, четкости и выверенности движений.

Мы миновали главные ворота. Тяжёлые, окованные чёрным металлом плиты с низким, утробным скрежетом захлопнулись за последним из нас, наглухо отрезав враждебный, дышащий ненавистью внешний мир. Звук был таким же окончательным, как щелчок затвора.

Внутри крепости царила обычная вечерняя суета – люди шли с работ, гремела посуда в столовой, откуда-то доносился лязг металла. Но на нашу потрёпанную группу все смотрели с каким-то новым, специфическим выражением. Местные – с плохо скрытым, горьким злорадством: «Вот, полюбуйтесь на вашу картэнскую учёность». Другие новички – со смесью страха и жадного любопытства: «А что, если со мной?..»

– Группа «Гамма» – свободна до вечернего построения! – крикнул Горн, прежде чем раствориться в одной из дверей, ведущих в административный блок. Его голос был ровным, будто ничего не произошло. Потом он обернулся, его взгляд, холодный и цепкий, выловил меня в толпе. – Тарэн. Со мной.

Я насторожился, внутренне сжавшись, но подчинился. Отказываться или проявлять неуверенность здесь нельзя. Он ждал меня в небольшой, захламлённой комнатушке, похожей на каптёрку или пост дежурного. Воздух пах оружейным маслом, старой кожей и пылью. На стеллажах грудились

ящики с маркировкой, на стене висела потрёпанная карта сектора. Горн закрыл дверь, и лязг щеколды прозвучал оглушительно громко в тишине. Он обернулся, упёрся в меня взглядом, выжидающе.

– Ты почувствовал зыбун. До того, как тот балбес шагнул. Не увидел, не унюхал. Почувствовал. Так?

– Да, – ответил я коротко. Врать было бесполезно, да и незачем.

– Как? Опиши. Детально.

Я пожал плечами, ища слова. Как описать цвет слепому?

– Ногами. Через подошвы. Грунт там… пел иначе. Вибрация была пустой, рассыпчатой. Не монолитной, как вокруг. Как если бы под тонкой коркой лежал не камень, а песок в мешке без дна. Он не держал. Он ждал, чтобы его потревожили.

Горн медленно, кивнул. Не как человек, получивший ответ, а как человек, подтвердивший догадку. Он достал из кармана скрученную в трубку, потрёпанную по краям карту.

– Это не просто «почувствовал опасность». У большинства здесь чутьё обонятельное или зрительное. Прислушиваются к шелесту, к крикам тварей, нюхают воздух на предмет серы или кислоты. А ты… ты слышишь саму землю. Её болезнь. Её слабость.

Он развернул карту на единственном чистом углу стола, придавил края пустыми гильзами. На карте был детализирован район вокруг крепости, испещрённый значками и по-

метками.

– Мы стоим здесь, – ткнул пальцем Горн. – На относительно стабильном плато. Но «стабильность» на Пальноре – понятие растяжимое. Под нами, как и везде, сеть пещер, тектонических разломов, газовых карманов, подземных рек кислоты. Иногда они просто тихо обваливаются. Иногда из них вырывается какая-нибудь геологическая гадость. Полгода назад у нас был свой сейсмолог, маг-вибрационист. Хороший спец. Его забрала тварь со щупальцами из серного гейзера на западе. С тех пор мы были слепы под землёй. Пока не появился ты.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде уже не было ни презрения, ни раздражения. Был холодный, пристальный, расчётливый интерес. Как у механика, который нашёл редкую, но потенциально полезную деталь от неизвестного механизма.

– Я хочу проверить твои способности. Не на учебной тропе, где опасность маркирована вешками. На реальной проблеме. Северная стена, сектор четвёртый. Там уже второй день трясёт мелкой, едва заметной дрожью. И вчера открылась трещина в кладке. Свежая. От фундамента вверх. Инженеры клянутся, что это просто осадка фундамента, эрозия грунта. Я говорю – хрен там. Я чувствую кость, когда она ломается. И там что-то не так. Сможешь определить, что?

Это был не приказ, но и не просьба. Это было предложение войти в круг посвящённых. Испытание. Шанс доказать

свою полезность не на словах, не в схватке с болотом, а на деле, на том, что имеет значение для крепости. Для человека с Ульбранта, где ценят только результат и выживаемость, это был единственный значимый, единственный понятный язык.

– Смогу, – сказал я, не колеблясь. – Мне нужен доступ к стене у самого её подножия, с внешней стороны. И полчаса в тишине, без лишних глаз и топота.

– Получишь. После ужина. Сейчас иди, приведи себя в порядок. От той грязи ещё и воняет за версту.

Когда я вернулся в казарму, там уже шло своё, кулуарное расследование. Леха, скинув вонючую, облепленную засохшим илом куртку, что-то оживлённо объяснял Ире, как оказалось звали его подругу, и той потерянной девушке. Её звали Света. Они слушали, лица напряжённые, но никто не перебивал.

– …просто прыгнул, понимаешь? Даже не подумал. Сработало на автомате. Инстинкт.

– Глупо, – холодно, без интонации, отрезала Ира, скрестив руки на груди. Но в её зелёных, озорных при первой встрече на площадке глазах мелькнуло что-то острое, похожее на тревогу или даже страх. – Он мог тебя утянуть за собой. Тогда пришлось бы…

Она не договорила, сжала губы. Леха помрачнел, кивнул, как будто понял несказанное. Он заметил мой вход, прервался.

– О, наш каменный спаситель. Горн тебя к себе вызывал.

Распинал за самодеятельность?

– Нет. Дал задание.

– Задание? – поднял густую бровь Вольф со своей койки, где он с хрустом чистил кирку от налипшей глины. – Уже? Да ты, я смотрю, везунчик. Быстро в обойму встаёшь.

– Или несчастный, – мрачно добавил Келлан, не отрываясь от своего занятия – он методично точил длинный, узкий нож о мелкозернистый брусок. Звук был ровным, гипнотизирующим. – Задания от Горна редко заканчиваются чаем с печеньем. Чаще – стиснутыми зубами и новыми шрамами.

Я не стал вдаваться в детали. Отложил щуп, сходил в общую умывальную. Вода была жёсткой, пахла серой и железом, но смывала липкую, въедливую грязь зыбуна. Казалось, она пропитала даже кожу. Переоделся в чистое – грубые штаны и темную рубаху. Вечерняя поверка прошла быстро, формально и без эксцессов. О Феликсе объявили: эвакуирован обратно на Картэн для лечения. Зрение, мол, начало возвращаться, но психологически парень сломлен. Среди картэнцев после этого поползли подавленные, злые шёпотки. А одна девушка, та, с чёрной кошкой на плече. Её, как я позже узнал, звали Танари. Так она теперь смотрела на нас, местных и выживальщиков, с неприкрытой, холодной враждебностью. Её взгляд говорил яснее слов: «Вы, грубая грязная чернь, чуть не убили нашего».

После ужина – всё той же густой похлёбкой с неопознанным, но на этот раз особенно жёстким мясом – я отправил-

ся к четвёртому сектору. Сумерки сгущались, небо из багрово-жёлтого превращалось в грязно-лиловое, будто синяк на второй день. Горн уже ждал, прислонившись к холодному камню стены. Рядом с ним стоял незнакомый мужчина лет пятидесяти в очках с толстыми линзами и в комбинезоне, заляпанном глиной, цементом и чем-то похожим на масляную краску.

ГЛАВА 4

– Это Мастер Борк, наш главный по камню и всему, что не шевелится, – кивнул на него Горн. – Борк, это Тарэн. Тот самый, с Ульбранта. Который чувствует.

Борк скептически, почти обидно хмыкнул, поправил очки на переносице.

– Чувствует, чувствует… У меня приборы показывают. Вот, гляди, – он ткнул пальцем в планшет с мерцающим экраном. – Датчики напряжения в кладке зашкаливают. Осадка фундамента на три сантиметра за неделю. Диагноз ясен, как божий день: проседание из-за размыва грунтовых вод или пустот. Надо ставить дополнительные подпорки и заливать всё полимерным раствором. Какие тут могут быть «чувства»? Шаманство!

Я проигнорировал его. Подошёл к стене, к месту, где из земли, будто чёрная молния, уходила вверх свежая, влажная на ощупь трещина. Положил на неё ладони. Камень был тёплым, почти горячим, что для вечера было странно. Но это не главное. Главное было под ним. Я закрыл глаза, отключил слух, стараясь заглушить даже собственное дыхание и назойливый треск приборов у Борка. Всё внимание – в кончики пальцев, в ладони, через которые я пытался «услышать» камень, его структуру, его боль.

Сначала – ничего, кроме обычного фона. Знакомая виб-

рация крепости: отдалённый гул генераторов, приглушённые шаги на галереях, даже биение собственного сердца, отражённое в камне. Я оттолкнул их, как отталкиваешь назойливый шум. Отгородился. Прислушался. Проникая глубже. Туда, где должна быть ровная, спокойная твердь материковой породы… А там была не буря. Было движение.

Не проседание. Не статичное давление. Движение. Что-то большое, очень большое, двигалось в земле прямо под стеной. Медленно, плавно, с огромной, неспешной силой. Как плывущий в толще воды кит. Оно не рыло ход, не долбило породу. Оно просто… перемещалось, и грунт прогибался, тек под его чудовищной тяжестью, создавая асимметричное, коварное давление на фундамент. И это «что-то» было живым. Я чувствовал не ритмичные, механические толчки техники, а единый, цельный, ползущий импульс. Биение пульса. Если у камня может быть пульс.

– Здесь, – сказал я, не открывая глаз, и постучал костяшкой пальца по месту в метре левее видимой трещины. – Проблема не в фундаменте. Она под ним. На глубине… семи, может, восьми метров. Что-то ползёт. Медленно. Очень большое. Оно давит снизу, и фундамент едет, как ледокол по льдине.

Борк фыркнул, раздражённо щёлкнул по своему планшету.

– Ползёт? Что, по-твоему, червяк размером с товарный вагон? Сказки для дежурки! Ерунда! Проседание грунтовых

вод, я же говорю! Видите, вот данные по влажности…

Горн же не спорил. Его лицо стало непроницаемым, каменным. Он смотрел не на Борка, а на меня.

– Опиши точнее. Размер? Направление? Скорость?

Я снова сосредоточился, пытаясь прочитать эту слепую, глухую вибрацию, как брайлевскую строку.

– Длина… не меньше десяти-пятнадцати метров. Толщина – метра два, может, три в самом широком месте. Ползёт… с востока на запад. Очень медленно. Сейчас его голова, если это голова, прямо здесь. И… – я замер, потому что ощущение резко изменилось. – Оно остановилось.

В тот же миг земля под нашими ногами вздрогнула. Не сильно. Не как при землетрясении. Как от лёгкого, но мощного удара кувалдой где-то глубоко под землёй. Раздался глухой, приглушённый "бум", скорее прочувствованный, чем услышанный. Из трещины в стене посыпалась каменная крошка и пыль.

Борк отпрыгнул, как ошпаренный, побледнев под слоем строительной грязи.

– Что это было?! Контрольный взрыв? Я не санкционировал!

– Оно остановилось, – повторил я, открывая глаза. Мои ладони всё ещё чувствовали отзвук того удара. – И, кажется, начало разворачиваться. Будто принюхивается. Ищет… более лёгкий путь.

Горн выругался сквозь зубы, коротко, похабно. Такого от

него я ещё не слышал. Вечно довольно сухой. Прямолинейный. Но так?

– Борк, слушай сюда и слушай внимательно! Срочно всех людей с этого участка! Эвакуация в радиусе пятидесяти метров от стены! Немедленно! И останови все работы, отключи все вибрационные приборы!

– Но проект… смета… мы должны…

– К чёрту твою смету! – рявкнул Горн, и в его голосе впервые прозвучала неконтролируемая ярость. – Это не проседание! Это, пля…, каменный червь! Ползучая катастрофа! И если он решит, что стена ему мешает или покажется интересной…

Он не договорил. Договаривать не нужно было. Мы все, даже я, с детства знал, что бывает, когда подземные твари Пальноры решают, что что-то стоит на их пути. На Ульбранте жуки ломали бетонные заборы, как сухари. Пусть и редко. Здесь, где сама планета помогала своим чудовищам, стена могла рассыпаться, как карточный домик.

Поднялась тревога. Резкий, пронзительный гудок, от которого закладывало уши, разорвал вечернюю тишину. По двору забегали люди, послышались крики команд, лязг оружия. Наш тихий, сумеречный, проблемный сектор внезапно наполнился лихорадочной, панической жизнью.

Горн схватил меня за плечо, его пальцы впились в мышцы так, что стало больно.

– Ты идёшь со мной. На командный пункт. Тебе придётся

быть нашими глазами и ушами под землёй. Единственными. Сможешь?

Я глотнул. В груди всё сжалось в один ледяной, тяжёлый комок. Это был не учебный выход. Это была та самая работа, ради которой меня, возможно, и выдернули с Ульбранта. Не для того, чтобы болтать с картэнцами или ходить по маркированным тропам. Для этого. Чувствовать угрозу, которая ползёт из-под земли. Стать живым сканером, сейсмографом со своей волей и своим страхом.

– Смогу, – сказал я, и на этот раз голос не дрогнул, не сломался. Он был плоским, как поверхность воды перед бурей.

Мы бежали через двор к невысокой, приземистой каменной башне с лесом антенн и магических излучателей на крыше. По пути я мельком увидел землян. Леха, Ира и Света стояли тесной кучкой у входа в свою временную казарму. Они не суетились, не лезли под ноги. Они просто смотрели на суматоху с одинаково сосредоточенными, серьёзными лицами людей, которые уже не раз видели хаос и знают, что в нём делать – не мешать.

Леха встретился со мной взглядом и коротко, резко кивнул, как будто говорил: «Иди, делай своё дело». Ира просто смотрела, её обычно подвижное лицо было застывшей маской, но пальцы с такой силой сжимали плечико её фамильяра, той странной улыбающейся зверушки, что её костяшки побелели. Зверюхе наверное было больно.

Командный пункт оказался не комнатой, а настоящим

бункером. Низкое помещение, заставленное хрустальными экранами с прыгающими графиками, столами с разложенными картами, пульсирующими приборами, издающими тихое жужжание и писк. Воздух был спёртым, пах озоном, потом и страхом. Несколько человек в походной униформе гарнизона отдавали в портативные коммуникаторы отрывистые, чёткие приказы. На одном из экранов я увидел тепловую карту – под крепостью, в месте сектора 4, пылало большое, размытое алое пятно.

– Статус! – рявкнул Горн, вваливаясь внутрь и хлопая дверью.

– Эвакуация четвёртого сектора завершена на 80%! – отчеканил молодой офицер с потным лицом. – Инженерная группа Борка предлагает экстренно закачать в грунт цементирующий раствор, чтобы стабилизировать…

– Отставить эту хрень! – перебил его Горн. – Это не грунт плывёт! Это живое! И если мы зальём ему в морду цементом, мы только разозлим его и заставим рваться наверх! Глубинные сканеры? Что показывают?

– Не работают, инструктор! Фоновая вибрация от всех систем крепости, да ещё эта… аномалия… они показывают сплошную кашу! Белый шум!

Горн обернулся ко мне. Все взгляды в комнате устремились на меня следом.

– Твоя очередь, геомант. Садись. Концентрируйся. Ты теперь наш единственный действующий сканер. Говори всё,

что чувствуешь. Где оно? Что делает? Куда движется?

Мне указали на стул в центре комнаты, вдали от приборов. Я сел, нагнулся, сбросил сапоги. Босыми, чувствительными ступнями упёрся в холодный, гладкий каменный пол. Закрыл глаза. Глубоко вдохнул, выдохнул, пытаясь отсечь всё: навязчивый гул приборов, сдавленное дыхание людей вокруг, даже бешеную дробь собственного сердца. Я стал просто… слушать. Не ушами. Всем телом. Через пол, через массивный фундамент башни, глубоко, глубоко в землю.

Сначала был хаос. Мириады мелких, беспорядочных вибраций: беготня людей по двору, отдалённый рокот генераторов, даже токи в кабелях в стенах. Я мысленно оттолкнул их, как отталкиваешь назойливый, мешающий шум. Глубже. Туда, где должен быть ровный, спокойный, глухой гул материковой породы… А там на этот раз бушевала буря. И в центре этой бури, как гигантское, слепое сердце, пульсировало ОНО.

– Оно на месте, – начал я, стараясь говорить медленно и чётко, будто докладывая показания прибора. – Прямо под стеной, сектор 4. Движется… нет, перестало двигаться вперёд. Копает. Роет что-то перед собой. Не наверх. Не к нам. В сторону. Вглубь, под крепость.

В комнате воцарилась такая тишина, что можно было услышать жужжание магической почти беззвучной лампы.

– Куда именно? – тихо, но очень чётко спросил Горн.

Я попытался прочувствовать направление. Это было неве-

роятно сложно. Как пытаться услышать, в какую сторону дует ветер, находясь в центре смерча. Но вибрация имела вектор, градиент плотности. Передо мной появилась карта.

– Под казарменный блок… «Дельта». Потом… плавно поворачивает. Направление… на центральное подземное хранилище.

– Чёрт! Прямиком! – кто-то из офицеров выругался, ударив кулаком по столу. Это сбило концентрацию. – Там резервные генераторы, основной запас жидкого топлива и половина наших боеприпасов!

– Остановится ли? – спросил Горн.

Он был спокоен, но в его спокойствии чувствовалась стальная, холодная хватка.

– Не знаю. Оно… не злое. Не агрессивное. Оно просто идёт. Как мы шли по тропе. Стена, фундамент – для него просто небольшое препятствие, неровность рельефа, которую он обходит снизу. Он даже не знает, что над ним что-то есть.

– Но если он пройдёт прямо под хранилищем… давление, постоянная вибрация…

– Фундамент не выдержит, – закончил я за побледневшего инженера. Я чувствовал это кожей. Массив червя, его неостановимое, плавное движение создавало волны давления, которые разрыхляли, «разжижали» породу вокруг. Старые, и без того напряжённые от веса хранилища фундаменты могли просесть, треснуть, сложиться, как карточный домик.

– Предложения? – Горн обвёл взглядом комнату. Его глаза метали искры.

– Взрыв, – тут же выпалил молодой офицер. – Заложить заряды в шахту рядом, попытаться обрушить туннель прямо перед его головой! Завалить его!

– Рискуем обрушить пол-крепости и гарантированно разозлим его, – парировал седой инженер, стоявший рядом с Борком. – Он не умрёт от обвала. Он разозлится и полезет наверх, прямо к нам, разрывая всё на пути. И мы получим чудовище не под, а внутри стен.

– Магия? – предложил кто-то. – Оглушить, дезориентировать ментальным импульсом?

– На этой глубине? С нашим-то магическим фоном? – скептически покачал головой другой специалист. – Мы можем не оглушить его, а вызвать резонансный коллапс в его теле или вокруг него. И тогда он взорвётся, как бомба, устроив здесь эпицентр землетрясения.

Спор разгорался, голоса становились громче, в них проскальзывала паника. Я слушал вполуха и продолжал чувствовать. Червь копал. Медленно, неумолимо, с чудовищной силой. Его голова, тупая, коническая, должна была продалбливать себе путь сквозь камень, как тепловой бур через лёд. И вдруг… он снова остановился. Не просто прекратил движение. Он замер. И вся его вибрация изменилась. Стала тоньше, острее, напряжённее. Как струна, которую натягивают до предела перед тем, как она лопнет.

– Стойте, – перебил я всех. Голос прозвучал громче, чем я планировал. Все замолчали. – Он остановился. Прямо… под пустотой. Под чем-то большим и пустым. Старые катакомбы? Коллектор? Что-то вроде того.

Лица у присутствующих вытянулись, стали землистыми.

– Под старыми дренажными резервуарами, – прошептал седой инженер, снимая очки и протирая их тряпкой дрожащими руками. – Их строили в первую очередь, ещё до основного периметра. Они заброшены, осушены лет десять назад… и расположены как раз на пути. Между казармой «Дельта» и восточной стеной хранилища.

– И что он делает? – спросил Горн, не отрывая от меня взгляда.

Я вжался в стул, всем существом пытаясь расшифровать этот новый, сложный сигнал.

– Он… слушает. Чувствует эту пустоту сверху. И… – и тут меня осенило. Холодная, ясная догадка. – Он не будет её обходить. Он ей воспользуется. Он собирается проломить потолок коллектора и пройти по нему. Это для него как готовый, широкий тоннель. И тогда он окажется прямо под вашими генераторами не через час, а через пятнадцать, максимум двадцать минут.

В комнате воцарилась гробовая, давящая тишина. План твари, лишённой разума, но наделённой чудовищной интуицией, был пугающе рационален, прост и смертоносен.

– Стабилизаторы, – негромко, будто боясь спугнуть идею,

сказал седой инженер. – Магические кристаллы стабилизации грунта. Их вмуровывали в стены, когда рыли те резервуары и тоннели. Чтобы своды не обвалились от вибраций. Они, теоретически, ещё не отключены… Если мы найдём панель управления и активируем их на полную мощность прямо над ним, создадим локальную зону сверхплотного, интенсивно вибрирующего грунта… Может, ему станет «тяжело» идти, неприятно. И он свернёт? Или хотя бы замедлится? Даст время на эвакуацию хранилища?

– Где панель управления? – спросил Горн, уже начиная действовать.

– В техническом служебном тоннеле… который проходит как раз над тем местом, где он сейчас.

– Значит, нужно, чтобы кто-то туда спустился, пока червь копает, пока он не проломил потолок. Включил стабилизаторы на максимум. И надеялся, что это сработает. И чтобы этот кто-то успел сбежать до того, как червь либо проломится в коллектор, либо, разозлённый помехой, полезет наверх, прямо в этот тоннель.

Все переглянулись. В воздухе повис немой вопрос. Это была миссия самоубийц. Технический тоннель – узкий, старый, давно не обслуживался, мог обвалиться от любой сильной вибрации. А под ним, в нескольких метрах, – живое существо размером с железнодорожный состав, которое в любой момент могло решить, что помеху надо устранить. И полезть вверх.

– Я пойду, – сказал я.

Все взгляды, тяжёлые, полные неверия и чего-то вроде жалости, устремились на меня.

– Ты единственный, кто чувствует, где он и что делает в реальном времени. Ты сможешь выбрать момент для включения. Но разберешься ли? – уверенности не было, но прежде еще до катаклизма, я любил всякую такую технику оживлять. Брал со свалки и реанимировал. А Грон продолжал: – И там темно…

Я поднял босую ногу, показав грязную подошву.

– Мне не нужен свет в тоннеле. Мне не нужны приборы. Мне нужна только тишина и прямой контакт с камнем. Я буду чувствовать, слышать телом. Это заменяет глаза и уши.

Горн смерил меня долгим, взвешивающим взглядом. Потом кивнул, коротко, резко.

– Идёт. Но не один. Келлан пойдёт с тобой. Он знает эти тоннели как свои пять пальцев. Быстрее его там никто не бегает. Даже вслепую. И если что – вытащит тебя за шкирку, даже если ты упрёшься. Ты нужен живым.

Лишние слова. Но факт: я стал инструментом, который берегут. Значит, я нужен. Пока что.

Через пять минут мы уже спускались. Не по парадной лестнице, а по узкой, почти вертикальной шахте с ржавыми, скользкими скобами вместо ступеней. Келлан – впереди, с холодным, ярким светильником на шлеме, отбрасывающим резкие, прыгающие тени. Я – следом, с тяжёлым, угловатым

блоком управления за спиной. Контакты болтались, цеплялись за выступы.

Воздух в шахте сменился с пыльного на спёртый, влажный. Пахло старой ржавчиной, сыростью, плесенью и той же серой, но теперь – приторной, едкой. Температура поползла вверх. Ступни в тонких портянках чувствовали каждый выступ, каждую вибрацию, идущую снизу.

ГЛАВА 5

Вышли в горизонтальный тоннель. Металлическая труба, некогда выкрашенная в жёлтый, теперь покрытая бурыми наплывами и осыпающейся изоляцией. Высота – вровень с ростом, ширина – два плеча. Келлан пригнулся, двинулся вперёд быстрой, крадущейся походкой.

– Ещё метров триста, – его голос, приглушённый, гулко отдавался в трубе. – Пульт в нише, с синей маркировкой. Если она не осыпалась.

Я почти не слышал его. Всё моё существо было настроено на то, что творилось под нами. Сквозь металл, через бетонное основание, я чувствовал каждое движение чудовища. Оно снова начало копать. Медленно, с чудовищным, давящим упорством. Вибрация была глухой, мощной, ритмичной. Удар-пауза. Удар-пауза. Как тиканье гигантских, подземных часов, отсчитывающих время до катастрофы.

– Он близко, – прошептал я, стараясь не сбить дыхание. – Очень. Прямо под нами. Ещё минут десять работы – и он будет под самым тоннелем. Потом начнёт вверх.

Келлан не ответил, лишь ускорил шаг. Мы почти бежали, согнувшись в три погибели. Верхушка блока управления скреблась по потолку, сыпалась ржавая крошка. Тоннель дрожал. Сначала едва заметно, потом всё сильнее. От наших шагов? Нет. Снизу. Каждый удар «головы» червя отдавался

в металле низким, протяжным гулом.

Вот она – ниша. Синяя полоса едва видна под грязью. Келлан ловко, почти беззвучно вскрыл запаянный герметичный шкаф каким-то тонким инструментом с магическим наконечником. Внутри – панель с потускневшими от времени рубильниками, тумблерами и одним мерцающим тускло-зелёным индикатором «СЕТЬ».

– Вставляй блок! Быстро, но аккуратно!

Я присоединил контакты, повернул ключ зажигания, снятый с панели в командном пункте. Панель ожила с тихим шипением. Индикаторы замигали жёлтым.

– Готово! Включай!

Келлан, не глядя, по памяти щёлкнул серией переключателей. Сначала ничего, только нарастающий гул где-то в стенах. Потом тоннель содрогнулся, не от удара снизу, а изнутри. Откуда-то, сквозь толщу бетона, донёсся нарастающий, противный, высокий вой – звук работы древних кристаллов, выведенных на предел. Кристаллы в стенах тоннеля, скрытые под кожухом, зажглись тусклым, болезненно-оранжевым светом. Работало.

– Теперь на максимум! – прохрипел я, чувствуя, как червь под нами вздрогнул, сбился с ритма.

Новая вибрация, чуждая, резкая, неприятная, пронзала камень. Он явно не ожидал, что грунт вдруг станет таким «жёстким», таким «вибрирующим», таким отталкивающим.

Келлан дёрнул главный, аварийный рычаг. Он поддался со

скрежетом, будто его не трогали десятилетия. Наверное так и было.

Вой превратился в рёв. Свет от кристаллов стал ослепительно-белым, режущим глаза даже сквозь закрытые веки. Стены тоннеля затряслись, с них посыпалась штукатурка, куски изоляции, ржавчина. А снизу… раздался звук. Не раскатистый, не громкий. Приглушённый, полный слепой, животной ярости. Скребущий, скрежещущий, царапающий. Червь бился головой о внезапно ставшую неподатливой, «неправильной» породу. Он не понимал, что происходит, но злился. Страшно.

– Пора! – закричал Келлан, перекрывая рёв, и схватил меня за рукав. – Он сейчас полезет наверх от злости! Бежим!

Мы рванули обратно. Бежали, согнувшись, спотыкаясь о неровности пола. За нами летели комья отвалившейся грязи, трескались и осыпались стены. Казалось, весь этот древний тоннель, эта последняя нить над бездной, сейчас сложится, захлопнется, похоронив нас заживо. Я бежал, чувствуя, как чудовищная, слепая тяжесть бьётся, долбится под самыми ногами, пытаясь проломить потолок, добраться до источника этой противной вибрации.

И вдруг – перемена. Не тишина. Смена тона. Скребущий, яростный звук прекратился. Сначала на секунду. Потом ещё. Рёв стабилизаторов всё ещё стоял в ушах, но снизу… тишина. Вернее, не тишина, а отступление. Червь… отступил. Он не пробивался больше. Он развернулся – я почувство-

вал это как медленный, тяжёлый разворот целого состава на тугом вираже – и пополз. Прочь. В сторону, подальше от этой странной, вибрирующей, «невкусной», опасной зоны. Его вибрации, ещё недавно такие близкие и давящие, стали удаляться. Ослабевать. Двигаться на восток, в сторону от крепости, в глубь мёртвых земель.

– Он уходит, – выдохнул я, почти падая от облегчения, прислонившись к липкой от влаги стене. – Уходит. В сторону от нас.

Келлан остановился в десяти метрах впереди, обернулся. Его лицо в свете фонаря было в поту и пыли, но в глазах стояла дикая, лихорадочная ухмылка.

– Чёрт возьми, Ульбрантец… – он тяжело дышал. – Ты не только чувствуешь. Ты ещё и демонов счастливчик. Но спасибо. Мне, честно, не очень хотелось становиться прослойкой между червем и потолком.

Мы выбрались на поверхность через другую шахту, дальше от сектора 4. Ночной воздух, хоть и ядовитый, показался прохладным и чистым после подземного ада. Нас уже ждала небольшая толпа во главе с Горном и бледным, как полотно, мастером Борком. Горн молча посмотрел на наши перепачканные, задыхающиеся физиономии, на сообщение на планшете у офицера, подтверждающее, что глубинное давление уходит, тепловая сигнатура смещается на восток.

– Отбой тревоги, – сказал он просто, без эмоций. Потом его взгляд упал на меня. – Работа сделана. Не лучшим, но

единственным возможным способом. Иди, отдышись, приведи себя в порядок. Завтра утром, после построения – ко мне. Поговорим о твоём постоянном месте в оперативной группе. И о доппайке.

Я кивнул, не в силах выговорить ни слова. Ноги были ватными, в ушах стоял непрерывный звон – смесь рёва стабилизаторов и того самого, скрежещущего звука ярости из-под земли. Я побрёл к казарме, чувствуя, как каждая мышца ноет от напряжения и адреналиновой перегрузки.

На крыльце казармы, куря самокрутку, меня ждал Леха. Тень от козырька скрывала его лицо, только кончик сигареты тлел в темноте.

– Жив? – спросил он коротко, без предисловий.

– Пока что, – хрипло ответил я, останавливаясь.

Он кивнул, затянулся, выпустил струйку едкого дыма.

– Слышал, ты там внизу геройствовал. С червями разговаривал, камни укрощал.

– Не разговаривал, – поправил я, снимая тяжёлый блок с закостеневших плеч и ставя его у стены. – Слушал. И помешал.

– И то, и другое на вес золота в таких делах, – он усмехнулся, но усмешка была какой-то усталой. Потом вдруг стал серьёзным, отбросил окурок, раздавил его каблуком. – Слушай, Тарэн. Мы с Ирой и Светкой… мы тут, в общем, чужие. Как, впрочем, и ты. Но мы кое-что понимаем в выживании в безнадёжных ситуациях. И у нас… есть свои тайны.

Большие. Неприятные. Если что-то пойдёт не так в очередной раз, если почувствуешь что-то очень, очень плохое под землёй или ещё где – что-то, от чего даже у тебя, камнечувака, мурашки по коже побегут – дай знать. Тихо. Мне. Ладно?

Я посмотрел на него. На его усталое, но не потерявшее серьезности лицо. В его глазах стояло не просто любопытство или товарищеская забота. Там было предупреждение. И смутное, тревожное обещание. Какое-то странное, непонятное. Но искреннее.

– Ладно, – согласился я.

Отказываться от потенциального союзника здесь, в этой каменной пасти, было верхом глупости. Даже если этот союзник был туманен, как пальнорский туман.

– Отлично, – он хлопнул меня по плечу, и в этом жесте была какая-то облегчённая усталость, будто он сбросил груз. – И спасибо ещё раз. За ту трясину. Мне бы без твоего уплотнения… пришлось бы очень сложно. Могли оба там остаться.

Его взгляд скользнул куда-то за мою спину, к освещённым окнам казармы, где мелькали тени.

– Кстати… Тобой Эмми заинтересовалась. Та самая, невысокая, светловолосая с короткой стрижкой, что прибыла с картэнцами. Сидит чаще с нами, землянами. Энергет, – он произнёс это слово с лёгким уважением. – Будь осторожен, если начнёт заговаривать. Она как бы… в паре с Танари. С той самой, у которой кошка на плече.

Я вспомнил её. Девушку с холодными глазами, которая смотрела на ульбрантцев и выживальщиков без особой теплоты.

– И что? – спросил я.

– И то, что Танари – некромант. Пусть и не архимаг, но факт есть факт, – Леха покосился на дверь, будто проверяя, не слышит ли кто. – Мы с ней, знакомы. Вместе Новый год на Картэне справляли. Она, Эмми, вся наша компания… Они мне жизнь, спасли. Без них я бы сейчас пеплом развеялся… Так что… Осторожнее. Характер у неё своеобразный. И чувство юмора… мрачноватое. Если решит, что ты на её территорию посягаешь, может и пригрозить. То ли в шутку, то ли всерьёз. Кто их некромантов разберет. Мол, убьёт, воскресит… и снова убьёт. Пока не надоест, – он поморщился. – Лично мне такая перспектива не нравится даже в виде абстрактной угрозы. Оно тебе надо?

Он сказал это без злобы, скорее как предупреждение о природном явлении. Типа: Здесь бывают кислотные дожди, имей в виду.

– Понял, – кивнул я. – Буду держаться подальше. Без надобности не пересекаться.

Некромант. Да ещё и вхожая в его круг. Ситуация становилась скользкой.

– И не провоцируй, – кивнул Леха. – Она сегодня после эвакуации тебя в толпе явно искала. Взгляд был… оценивающий. Не злой, но и не добрый. Как будто решала, к какому

разряду тебя отнести: к полезным инструментам или к помехе.

В этот момент дверь казармы приоткрылась, и в щели показалось лицо Иры. Зелёные глаза нашли Леху, смягчились на мгновение, потом перешли на меня – быстро, оценивающе. Леха обернулся, и между ними промелькнул беззвучный диалог: её приподнятая бровь, его чуть заметный успокаивающий жест рукой. Она кивнула и скрылась внутри.

Леха обернулся ко мне с лёгкой, усталой усмешкой.

– В общем, сам понял. Компания у нас пёстрая. Со своими тараканами. Но свои. И за своих – горой. Ты пока не свой. И не чужой. Промежуточный. Будь осторожен в этом промежутке.

Он развернулся и ушёл внутрь, в тёплый, пахнущий потом и пылью свет казармы. На пороге он на мгновение задержался, его плечо коснулось плеча Иры, которая ждала его в тени. Тихий шёпот, короткое, почти невидимое движение – он провёл рукой по её спине, она чуть прижалась к нему боком. Потом дверь закрылась.

Я остался один. Его предупреждение висело в воздухе, обретая новые грани. Это была не просто угроза. Это была карта минного поля под названием «их круг». Со своими законами, своей иерархией, своей круговой порукой. Я был вне круга. И любое неверное движение – даже невинный разговор с Эмми – могло быть истолковано как попытка пролома. Со всеми вытекающими. С мрачным юмором и, возможно,

не только им.

Я глянул на багровое, затянутое смогом небо. На землю. Где-то там полз червь. А здесь, приходилось пробираться среди не менее сложных и опасных ходов. Только здесь нельзя было уплотнить грунт ударом кулака. Здесь нужна была осторожность. Тихая, постоянная.

«Бди. Чувствуй. Выживай».

Сегодня я добавил к этому списку новый пункт: «Не лезь». Не лезь в чужие дела, в чужие связи, в чужие круги. Делай свою работу. Будь полезным инструментом для Горна. Всё остальное – минное поле.

Я потопал, стряхивая наверняка налипшие на сапоги споры. Зашёл внутрь. В казарме было тихо. Леха и Ира сидели на его койке, тесно прижавшись друг к другу, переговариваясь шепотом. Он что-то говорил, глядя в пол, она слушала, её пальцы перебирали складки на его рукаве. Увидев меня, они не отпрянули, но разговор стих. Просто сидели. Свои.

Я прошёл к своей койке. Скинул сапоги. Рука под подушку – холодный, шершавый щуп. Реальность. Простота.

Последняя мысль перед сном была чёткой: Завтра – к Горну. Работа. Всё остальное – не моё. Пока.

Сны не пришли. Была только усталость и глухой гул этого мира под полом. И осознание, что кроме червей и спор, есть и другие опасности. Менее очевидные. И оттого, возможно, более страшные.

Утро после червя началось не с горна, а с тишины. Гул-

кой, напряжённой, будто сама крепость затаила дыхание. Я проснулся от того, что тело само по себе было натянуто, как струна, всё ещё прислушиваясь к вибрациям. Но под нами царила непривычная, зыбкая стабильность. Червь ушёл глубоко и далеко – я чувствовал его как слабый, едва ощутимый толчок где-то на восточном горизонте.

В казарме царило странное настроение. Вольф, Ларс и Келлан смотрели на меня уже не как на новичка, а как на равного. Их взгляды были красноречивее слов: ты прошел обряд посвящения. Ты свой. За завтраком в столовой ко мне подошли двое местных из другой группы, коротко кивнули: «Неплохо вчера поработал». Это была высшая форма похвалы.

Но были и другие взгляды. Картэнские адепты, сидевшие за своим столом, поглядывали на меня с холодным любопытством и… неприязнью. Вчерашний эпизод спасения из трясины, видимо, не прибавил мне популярности в их глазах. Я был живым упрёком их некомпетентности. Смуглая, темноволосая девушка с чёрной кошкой, та самая некромантка – Танари, бросила на меня особенно ядовитый взгляд, когда я проходил мимо.

Инструктор Горн вошёл в столовую, и весь шум мгновенно стих. Он не стал залезать на стол. Толкать речь. Прошёл к раздаче, налил себе мутного чаю и, обернувшись, нашёл меня глазами.

– Тарэн. После завтрака – ко мне. Остальные – по рас-

писанию. У группы «Гамма» сегодня теория: картография опасных зон и основы определения ядовитых спор. Не опаздывать.

Теория. После вчерашнего это слово звучало как насмешка. Но я лишь кивнул.

Кабинет Горна сегодня выглядел иначе. На столе, рядом с картами, лежал ещё один свёрток – побольше и аккуратнее. И стояли два человека. Один – тот самый инженер Борк, но теперь его скепсис сменился осторожным уважением. Второй… Второй был картэнцем. Высокий, стройный, в идеально выглаженном мундире с академическими нашивками. Его лицо было красивым, холодным и надменным. Он смотрел на меня так, будто я был интересным, но слегка неприятным насекомым.

– Мастер Крейн, – кивнул на него Горн, не выражая ни капли тепла. – Куратор картэнской учебной программы. Ответственных за прохождение практики. Заинтересовался твоими… способностями.

– Да, – голос у Мастера Крейна был гладким, как шёлк, и таким же холодным. – Необычное проявление геомантии. Примитивное, но… эффективное в контексте местных условий. Инструктор Горн настаивает на твоём включении в оперативную группу быстрого реагирования по геологическим угрозам. Я, как ответственный за успеваемость и безопасность адептов, должен дать согласие. Но прежде у меня есть вопросы.

Он сделал паузу, давая понять, что вопросы будут не просто вопросами.

– Твой дар. Он наследственный?

– Да.

– Проявлялся с детства?

– Да.

Ответ вырвался сам, короткий и сухой. Но за ним, будто прорвав плотину, хлынуло нечто другое. Не слова. Ощущения. Обрывки прошлого.

"Тёплый ещё воздух позднего ульбрантского лета. Мне двенадцать. Стою у забора скотного двора, смотрю, как отец чинит вентиль на поилке. И вдруг – не звук, а толчок. Снизу. Через подошвы. Глухая, далёкая дрожь, будто в самой сердцевине мира что-то тяжко перевернулось. Я замер. Отец обернулся, увидел моё лицо.

– Тарэн? Что?

– Земля… – я не нашёл слов. – Там… пустота растёт.

Он посмотрел под ноги, потом на меня. Его глаза сузились. Не недоверие. Напряжение. Он кивнул раз, коротко.

– Отойди от забора. Медленно.

Через два дня на том месте земля провалилась. Чистая, круглая яма, глубокая, с гладкими стенками. Как будто гигантский червь, ещё не мутант, а просто огромный, уснул там и истлел за ночь, оставив после себя пустоту. Отец, засыпая её щебнем и битым кирпичом, бросил через плечо:

– Хорошо, что никто не наступил. Чутьё у тебя, сынок,

опасное. Молчи о нём…"

Горн смотрел на меня, не двигаясь. Его взгляд был сканером, считывающим микродрожь век, напряжение в скулах.

– И потом тоже? – спросил он.

Тише. Будто боясь спугнуть только что мелькнувшую в воздухе тень.

ГЛАВА 6

Потом? Картинка сменилась резко, как удар ножом.

"…Холодное утро. Мне тринадцать. Запах жареной лепёшки на кухне. Голос матери, зовущей к столу. И… скрежет. Не в ушах. В костях. В зубах. Земля под полом внезапно заскрежетала, затрещала, будто её перемалывают чудовищные, невидимые жвалы. Я вскочил, опрокинув табурет. Мать вздрогнула. Отец уронил кружку. Его лицо стало пепельным.

– Не может быть… Раньше срока… – прошептал он, но я уже не слышал. Я чувствовал. Как огромные, плотные, чужие массы шевелятся внизу, поднимаются, выталкивая пласты грунта, ломая корни старой дренажной системы, бетон фундамента. Как мир под ногами рассыпается и рождает не жизнь, а нечто иное. Пузыри чудовищ в кипящем камне.

– В подвал! Все! – рванул отец, хватая Миру на руки. Его голос был хриплым от ужаса, который я чувствовал кожей за минуту до него…"

Я отдернулся, словно обжёгшись о раскалённое железо. Вернулся сознанием в кабинет. В тусклый свет плyриса.

Горн всё так же сидел напротив. Он видел. Видел, что меня на несколько секунд не было здесь.

Я сглотнул. В горле стоял ком, сухой и колючий.

– Потом был Катаклизм, – выдавил я.

Этого было достаточно. Все и так знали, что это значит.

Горн медленно кивнул. Он не стал копать глубже. Понял. Некоторые вещи не нуждаются в подробностях.

– Каков механизм, по-твоему? – спросил он, возвращаясь к исходной точке, но теперь его вопрос звучал иначе. – Ты ощущаешь магический резонанс пород или нечто иное?

Я почувствовал ловушку, но теперь она была не страшной. После тех картинок любой теоретический спор казался детской болтовнёй.

– Я чувствую напряжение, – сказал честно, глядя ему прямо в глаза. – Вибрацию. Пустоту или уплотнение. Как… как кожей. Только через ноги или ладони. Не магию. Саму землю. Её боль. Её слом. Раны.

Мастер Крейн усмехнулся, и в этой усмешке было снисхождение.

– Тактильно-кинетическое восприятие. Любопытно. Почти животный инстинкт. А можно ли его… усилить? Направить? Не просто слушать, а, скажем, послать импульс? Вызвать контролируемый сдвиг?

Горн нахмурился, но промолчал. Борк заинтересованно наклонил голову.

Я вспомнил, как вчера пытался уплотнить грунт на краю трясины. Это сработало, но это был сиюминутный, почти рефлекторный порыв.

– Не знаю. Возможно.

– Возможно, – повторил Крейн. В его голосе зазвучали нотки разочарования. – Видишь ли, молодой человек, мы це-

ним практические навыки. Но без теоретической основы, без понимания сути явления, любой навык – всего лишь слепой удар в темноте.

Он поправил очки. Взгляд его был холодным, аналитическим. Как будто он разглядывал под микроскопом интересный, но примитивный образец.

– Ты можешь почувствовать червя. Прекрасно. А можешь ли ты отличить червя от, скажем, подмыва грунтовыми водами? Или от последствий вчерашнего выброса магической энергии в трещине на юге?

Я промолчал. Ответа не знал.

На Ульбранте угрозы были проще: либо тварь, либо обвал. Здесь же всё было переплетено: геология, магия, биология. Всё болело одним, единым организмом.

– Именно так, – с удовлетворением заключил Крейн, заметив моё замешательство. – Поэтому моё решение таково. Ты будешь включён в оперативную группу. Но параллельно обязан посещать теоретические занятия для картэнских адептов. Основы магической геологии, петрографии, сейсмо-мантического анализа.

Он сделал паузу, давая время на осознание сказанного.

– Чтобы твой инстинкт обрёл базу. И, конечно, общую физическую и тактическую подготовку под руководством инструктора Горна. Согласен?

Сказать «нет» значило отказаться от всего. Ради чего меня сюда послали. От шанса доказать полезность. От возмож-

ности хоть как-то повлиять на будущее сестёр.

– Согласен, – выдавил я. Слово вышло плоским, безжизненным.

– Прекрасно, – Крейн повернулся к Горну. – Инструктор, считайте, что формальности улажены. Он ваш. Но отчётность о его успехах… и провалах… будет ложиться на мой стол.

Он кивнул нам всем и вышел. Оставил после себя шлейф дорогого порфюма и ощущение лёгкой тошноты.

– Засранец, – негромко выругался Борк, едва дверь закрылась. – Но умный засранец. Теория тебе не помешает, парень. Я сам посижу на некоторых лекциях – любопытно, что они там напридумывали.

Горн тяжело вздохнул. Его плечи, казалось, опустились под новой тяжестью.

– Ладно. Правила игры ясны. Вот твоё снаряжение, – он толкнул в мою сторону новый свёрток. – Усиленная обувь с гибкой подошвой – для лучшего контакта. Перчатки с тем же принципом. И комбинезон из ткани, устойчивой к кислотам и спорам. Носи. Сегодня у тебя первая лекция после обеда. А с утра завтра – первое реальное задание с группой.

– Какое? – спросил я, разворачивая свёрток.

Одежда была качественной, функциональной. Без намёка на картэнскую роскошь. Мне понравилось. Она была настоящей.

– Проверка периметра после вчерашнего «гостя». Нужно

пройти вдоль северной стены, от сектора четыре до сектора семь, и оценить целостность фундамента и грунта. Ты будешь нашим главным сенсором.

Он поморщился, как будто от привкуса горечи.

– Группа – я, Келлан, ты. И… – он сделал паузу, – два картэнских адепта по выбору Крейна. Для «практики».

Предстоящий день оказался пыткой.

Лекция проходила в одном из чистых, хорошо освещенных залов. Куда я попал впервые.

За партами сидели картэнцы. Включая Танари и её окружение. И несколько местных специалистов вроде Борка.

Преподаватель, сухой старичок с голосом, похожим на шелест бумаги, читал о «теории резонансных полей в кристаллических решётках».

Я почти ничего не понимал. Формулы, термины, графики – всё это плыло перед глазами. Картэнцы делали заметки магическими стилусами, которые парили в воздухе.

Я сидел, стиснув кулаки под столом. Чувствовал себя полным идиотом.

Единственное, что меня спасало, – это когда старичок начал показывать голографические модели сейсмических волн. Я порадовался, ведь видел их вчера. Чувствовал.

И теперь, глядя на модели, начал смутно улавливать связь. Между красивыми картинками и той грубой реальностью, что билась под ногами.

Танари, сидевшая через ряд, бросила на меня насмешли-

вый взгляд, когда я не смог ответить на простой вопрос о коэффициенте упругости базальта.

– Дикарь, – негромко, но отчётливо бросила она своей соседке. – Зачем его вообще пускают сюда?

Жар ударил в лицо. Я впился взглядом в стол, сжимая ладонями его кромку так, что дерево затрещало.

В этот момент я почти ненавидел её. Её, Крейна, весь этот блестящий, самодовольный мир. Который смотрел свысока на тех, кто держал его стены.

После лекции я вырвался на воздух как утопающий. Нужно было двигаться. Делать что-то практическое.

Я направился к стене, к сектору четыре, где всё началось. Приложил ладони к кладке.

Дрожь была. Но теперь я знал её причину – не червь. Остаточное напряжение от работы стабилизаторов. Оно постепенно уходило.

Нужно было успокоиться. Просто подышать.

Вонючий, едкий воздух Пальноры врывался в лёгкие. Жгучий и живой. И этот запах – смесь серы, гари и гнилой органики – сорвал замок. Не здесь. В тогда…

Ворота памяти распахнулись.

Ульбрант. Утро. Холодное, ясное.

Скрип половиц. Запах лепёшек.

Внезапный скрежет в глубине. В костях, в зубах. Не звук. Вибрация, от которой сводит челюсть.

Отец, смотря в окно, роняет кружку. Его лицо – пепел. Он

смотрит на меня.

Я киваю. Да, чувствую. Здесь. Сейчас. Что-то…

Мать уже у окна. Смотрит не под ноги. А в сторону. На старый военный пост в сотне шагов. Высокий бетонный периметр.

– Туда, – говорит она. Отрубив как топором все споры. – Бежим. Пока они слепы.

«Они» уже здесь. Не под нами. Вокруг. И в доме тоже. Блоха размером с кошку. Жук – с псину. Муха… Земля во дворе вздувается, трескается. Из-под отмостки, из нор, из-под кучи дров выползают… они.

Муравьи размером с собаку. Жуки с телёнка. Червь, толщиной в моё бедро, слепо бьёт хвостом, выворачивая пласт дёрна.

Они повсюду. Но… беспомощные. Дезориентированные.

Лапы скользят по земле. Щупальца тычутся в пустоту. Гигантские тела ещё не слушаются. Они не атакуют. Они падают, опрокидываются, ползут не туда.

Это шок – наш шанс. Безумная гонка.

Отец с Мирой. Я с Линой. Мать с узлами. Ходка за ходкой.

Ворота. Ржавый замок. Благо, ключ есть. Втискиваемся внутрь, загоняем перепуганных коз. Забрасываем скарб. Захлопываем створки. Набрасываем цепь.

Стоим, задыхаясь, у щелей в воротах.

Наш дом. Из-под его фундамента выползает ещё больше тварей. Они заполняют двор, тычутся в стены, в забор. Один

жук, пошатываясь, преграждает путь – отец бьёт его обухом топора по голове. Тот отползает, жалобно скрипя.

Сестренки плачут. Мать запирает их внутри. Бросается во двор. Начинает таскать тварей за ограду.

Мы с отцом тем временем носимся от дома к дому. Скотина, мешки, провизия, оружие, инструмент. Сил нет, но тащим и дрова, и тюки сена. Огород жаль. Сможем ли потом овощи собрать?

Раз за разом мчимся к бетонным воротам поста. Сквозь лес шевелящихся, блестящих панцирей. Они не реагируют. Пока не реагируют.

Запыхавшись, заперли ворота изнутри. Хотелось надеяться, что они помогут.

Отец с матерью утешают сестёр. Я лезу на крышу.

Зрелище жуткое. И вот какой-то жук натыкается на беспомощно шевелящуюся сороконожку. И впивается челюстями в её тело. Раздаётся хруст хитина. Противный чавкающий звук.

Это как сигнал. Дезориентация кончается. Просыпается голод, ярость, инстинкт.

Они набрасываются друг на друга. Кто ближе, кто слабее. Начинается кровавая карусель. Панцири трещат, отрываются лапы, брызжет липкая гемолимфа. Наш старый дом, деревянный, не бетонный как этот, хрустит и рушится под тяжестью дерущихся тел.

Я смотрел, как твари, насытившиеся собратьями, распол-

заются в поисках новой добычи. Двор некогда родного дома усеян обломками хитина и кровавыми лужами.

Мысль пришла холодная и чёткая: на месте этих сожранных могли быть мы. Если бы не эти стены. Если бы не подаренные нам несколько минут слепоты после их мутации…

Я вздрогнул, оторвавшись от жуткого зрелища. Ладони были липкими. Вытер их о брюки.

Здесь и сейчас. Пальнора. Другие стены. Другие твари.

Но принцип – тот же. Опасность даёт тебе фору, пока осматривается. Глупость – не использовать её. А стены… стены – всё, что отделяет мясо от того, кто хочет его съесть.

– Теряешь связь с землёй от всей этой болтовни?

Я обернулся. За моей спиной стояла Эмми. Та самая, о которой говорил Леха.

Светловолосая, невысокая. С глазами, в которых светилась не молодой задор, а спокойная, уставшая мудрость. В её взгляде не было насмешки. Был трезвый, оценивающий интерес. Похожий на взгляд Горна, но без той жесткости.

В голове тут же всплыло предостережение Лехи: «Будь осторожен. Она в паре с Танари. Некромантка. Со своеобразным чувством юмора».

Я почувствовал, как плечи напряглись. Быть интересным для такой компании… Сомнительная честь. Стать экспериментальным кроликом для некромантки, пусть даже и косвенно – перспектива так себе.

Я машинально огляделся краем глаза. Выискивая в вечер-

них сумерках высокую, стройную фигуру с чёрной кошкой на плече.

Никого. Только ветер гонял по двору клочья ядовитого тумана.

– Не теряю, – буркнул я. Стараясь держать дистанцию в голосе.

– Вижу. Ладони к камню приложил, а не в книгу уткнулся. Правильно, – она подошла чуть ближе. Но не нарушая моего пространства.

Из кармана её поношенной куртки выглянул упитанный хомяк, её фамильяр. Зверёк умывал мордочку. Глядел на меня чёрными бусинами глаз.

– Крейн тебя донимает?

– Он пытается сделать из меня учёного.

– А ты и есть учёный. Только твоя лаборатория – это вся Пальнора. Твои приборы – твои ноги и руки. Не дай им это забыть.

Она помолчала, изучая моё лицо.

– Завтра идёшь на проверку с группой?

– Да.

– Будь осторожнее с теми, кого Крейн приставит в наблюдатели. Они могут решить, что раз уж ты такой умный, то и опасность ты должен чуять за километр. И бросятся туда, куда не надо, похвалу ловить. Не геройствуй. Сдохнут сами дураки. Не надо страдать за других.

Она наклонилась чуть ближе. Голос стал тише, но не ме-

нее внятным.

– Твоя задача – слушать землю и докладывать. А не нянчиться с зазнавшимися аристократами, которые мнят себя героями эпоса.

Она говорила тем же языком, что и Горн. Но без его свирепой прямоты. В её словах был опыт. Глубокий, выстраданный, не из учебников. Это чувствовалось.

И это делало предостережение Лехи ещё более тревожным. Что скрывалось за этой симпатичной оболочкой? За этой мудростью?

– Почему ты мне это говоришь? – спросил я, глядя прямо на неё.

Эмми усмехнулась, и в этой усмешке было что-то печальное, старое.

– Потому что вижу в тебе того, кто может стать здесь основой. Фундаментом.

Она постучала носком сапога по каменной плите под ногами. Звук был глухим.

– А фундамент должен быть крепким. И не должен позволять себя растрепать первому встречному ветру. Или первому встречному зазнавшемуся юнцу с гербом на плаще.

Она кивнула на прощание. И пошла прочь. Не дожидаясь ответа.

Её хомяк ещё раз мелькнул в кармане. Будто прощаясь.

Я проводил её взглядом. Пока она не скрылась за углом кузнечной мастерской.

«Фундамент».

Второй раз кто-то называл меня так. Сначала Леха в шутку. Теперь Эмми – всерьёз.

Звучит как комплимент. Но почему-то отзывалось внутри тяжёлым, настороженным эхом.

Как предчувствие. Что на этот «фундамент» скоро начнут ставить что-то очень тяжёлое. Или кто-то захочет его проверить на прочность. Весьма специфическим способом.

Желудок напомнил о себе глухим урчанием. Пора было в столовую. С последнего приёма пищи казалось прошла целая вечность.

Столовая гудела, как потревоженный улей. Но гул был другого качества – не деловой. Тревожный.

Люди сидели кучками. Переговаривались возбуждённо, забыв о еде.

Я на ходу поймал обрывки фраз.

«…портал просто погас, как лампа!»

«…и ближний тоже! Связи нет!»

«…Говорят, какого-то Майкла, выкинуло обратно на Картэн! И вообще их портануло на дальний портал, не сюда…»

«…Связь работала минуту, успели передать, а потом и она…»

Я взял свой паёк. Ту же похлёбку и жёсткий хлеб. И пристроился в углу, рядом с парой местных.

Они, не обращая на меня внимания, продолжали свой раз-

говор:

– …это из-за них, картэнских! Своим гламуром и магией фон расшатали!

– Да нет, болван, Крейн сказал – аномалия на линии Пальнора-Картэн. Пока не выяснят причину, порталы закрыты. Полная изоляция…

Изоляция.

Слово повисло в воздухе. Холодное и тяжёлое.

Значит, Феликса успели отправить. А остальные… все мы теперь здесь. В ловушке. И картэнцы, и земляне, и мы, ульбрантцы. Вместе. Надолго.

Я доел, не чувствуя вкуса. Мысли крутились вокруг одного: если порталы не работают, то все планы Горна, все «задания» становятся не учебными. Единственным способом существования.

Риск теперь – не просто риск. Он – цена за каждый день в этих стенах.

Вернулся в казарму перед самым отбоем. Внутри было непривычно тихо. Даже Вольф не ругался. Все сидели или лежали на койках. Погружённые в свои мысли. Весть о порталах дошла и сюда.

Леха и Ира сидели рядышком на его койке. Он что-то тихо говорил ей на ухо. Она слушала, прижавшись головой к его плечу. Её рука лежала поверх его на колене. Простая, молчаливая близость. Островок в общем море тревоги.

Я лёг. Потушил свой плярис. Темнота накрыла густым,

вязким одеялом.

Сон пришёл не сразу. А когда пришёл, был странным, обрывистым.

Я шёл по ульбрантской степи. Но под ногами была не земля. Шершавая, тёплая кожа Пальноры. Она дышала. Впереди, у горизонта, стояла Танари. Высокая, прямая. Её чёрная кошка сидела у ног. Сверкая в темноте зелёными глазами.

Танари подняла руку.

И из земли перед ней начали подниматься фигуры. Не твари. Люди. Бледные, с пустыми глазницами. Они шли ко мне, не спеша. Среди них я узнал лицо Феликса, того ослепшего картэнца. И лицо отца. Они шли молча. Протягивая руки…

Я попытался ударить по земле. Уплотнить её, создать стену. Но земля не слушалась. Она была живой, чужой. Она смеялась тихим, скрежещущим смехом. Похожим на звук каменного червя. И тут сбоку раздался голос Эмми, спокойный и чёткий: «Фундамент. Помни, ты – фундамент».

Я оглянулся на её голос – и все фигуры рассыпались в прах. Осталась только Танари. Она смотрела на меня, и в уголках её губ играла та самая, обещанная Лехой, мрачноватая усмешка…"

Проснулся с сухостью во рту и учащённым сердцебиением. В казарме тихо храпели. За окном всё так же гудела Пальнора.

Фундамент. Сны. Некромантка. И закрытые порталы. Завтрашний день был не просто трудным заданием. Он был

испытанием на прочность. Той самой, о которой говорила Эмми. И я не был уверен, что готов его выдержать.

Глава 7

На следующий день перед рассветом мы собрались у северных ворот.

Воздух был холодным и колючим. Пах пеплом и остывшим камнем.

Небо на востоке лишь чуть посветлело. Окрасилось грязно-лиловым тоном. Здесь не было алых зорь. Только унылая смена оттенков в палитре больной планеты.

Горн, Келлан и я стояли уже готовые. В полной походной экипировке. С инструментом, оружием и приборами.

К моему удивлению и, признаюсь, лёгкому разочарованию, картэнцев действительно было только двое. Ни Танари с её леденящим взглядом. Ни её надменных приятелей.

Вместо них – двое других. Юноша, представившийся Элиасом. И девушка Сигрид. Оба выглядели моложе. Менее самоуверенными, но от этого не менее напряжёнными. На плече у Сигрид сидел фамильяр – небольшая ящерица с переливающейся изумрудной чешуёй. Она беспокойно перебирала лапками. Её раздвоенный язык то и дело выстреливал, пробуя воздух. Хвост нервно подёргивался.

Горн, не тратя времени на формальности, обвёл их ледяным взглядом. Будто пригвождая к месту.

– Ваша задача – обеспечение безопасности периметра, – отчеканил он. Каждое слово падало, как увесистый булыж-

ник. – Следить за флорой. За химическим составом воздуха. За любым движением в верхнем ярусе – на скалах, в ветвях, если таковые ещё остались.

Он сделал паузу. Взгляд стал ещё тяжелее.

– Магию применять только по моей прямой команде. Или в случае непосредственной, прямой угрозы жизни. Никаких инициатив.

Он подождал пока до всех дойдет смысл сказанного.

– Тарэн будет идти в центре и работать. Вы его прикрываете. Не лезть вперёд, не отставать, не задавать глупых вопросов и не отвлекать ни его, ни себя.

Ещё пауза. Тяжелее предыдущей.

– Первое нарушение – и вы оба отправитесь на месяц в карцер. На хлеб, воду и полную изоляцию. А потом, если порталы когда-нибудь заработают, вас выставят отсюда с позорными отметками в личных делах. Которые будут маячить за вами до конца дней.

Он медленно обвёл взглядом суровые стены крепости и безумный пейзаж за ними.

– Если же порталы не заработают… будете чистить отхожие рвы и выгребные ямы. До конца своих, надеюсь, не очень долгих дней. Всё ясно?

Элиас побледнел. Лицо стало почти одного цвета с утренним туманом. Он сглотнул. Было слышно, как сухо щёлкнуло у него в горле.

Сигрид лишь резче кивнула. Её тонкие брови сомкнулись.

Пальцы непроизвольно сжались на спинке фамильяра. Заставив ящерицу недовольно дёрнуть хвостом и издать тихое шипение.

Угроза карцера и вечной чистки туалетов в этой изолированной крепости звучала куда весомее. Чем гипотетическое возвращение на благополучный Картэн.

– Ясно, инструктор, – буркнул Элиас. Уже без тени прежней бравады.

– Ясно, – тихо, но чётко подтвердила Сигрид. Не отводя взгляда от Горна.

Мы вышли.

Утро на Пальноре считалось самым «спокойным» временем. Ночной туман немного рассеивался. Ядовитые испарения от светящихся луж чуть слабели. И хоть на полшага, но улучшалась видимость. Но подземный гул никуда не девался. Он был теперь фоном. Биением пульса этой раненой планеты.

Мы двинулись вдоль массивной, тёмной стены крепости.

Я сразу погрузился в работу. Отключил всё лишнее – нервные взгляды картэнцев, давящее молчание Горна, собственный комок тревоги в желудке.

Шаг. Пауза – чувствую. Раскидываю внутренние «щупальца» дара вглубь. Ещё шаг. Пара шагов – снова пауза.

Я шёл медленно, методично. Иногда приседая на корточки, чтобы прикоснуться к грунту голой ладонью. Или даже приложить ухо к холодному камню фундамента.

Келлан шёл чуть впереди по флангу. Его глаза, узкие и цепкие, постоянно сканировали местность. В руках он держал портативный прибор. Который тихо пищал, анализируя состав воздуха и почвы.

Горн замыкал шествие. Его присутствие ощущалось спиной – незримое, но неусыпное давление.

Картэнцы шли по флангам, как и было приказано. Нервно озираясь на каждый шорох и щелчок.

Первые триста метров прошли в напряжённом, но спокойном режиме. Напряжение в грунте было ровным, почти монотонным. Фундамент под стеной – цельным, монолитным.

Я делал пометки на кристаллической пластине-карте. Выводил магическим маркером ровные линии и точки.

Потом я почувствовал первую аномалию.

Не угрозу. Аномалию. Зону рыхлого, неустойчивого грунта примерно в двух метрах от основания стены. Не критично, но требующую внимания. Глубина – около метра, площадь – с небольшой стол.

Я остановился. Пометил точку на карте ярким крестиком.

– Здесь, – сказал я, обращаясь к Горну. – Участок разрыхления. Можно поставить дополнительную дренажную колонну, отвести воду. Иначе в сезон дождей будет подмыв. Не обрушит стену, но ослабит.

Горн молча подошёл. Взглянул на карту. Потом на отмеченное место. Кивнул. Сделал свою, более детальную пометку в полевом журнале.

Ни слова похвалы. Но и ни тени сомнения. Просто констатация. Принятие к сведению.

Мы двинулись дальше.

Лжесолнце поднялось выше. Его блеклый свет начал припекать сквозь вечную пелену смога. Воздух становился вязким, тяжелым.

Внезапно ящерица Сигрид зашипела. Замерла на месте. Затем стремительно юркнула под воротник её куртки. Оставив снаружи лишь кончик дрожащего хвоста.

– Что-то есть, – тихо, но чётко сказала Сигрид. Замирая.

Её взгляд был прикован к плотным, мясистым кустам странного сизого цвета. Они росли в двадцати метрах от нас. – Вон там, в зарослях. Движение.

Все мгновенно насторожились.

Келлан плавно, без лишних звуков, снял с плеча короткий, мощный арбалет. Взвёл его.

Горн сжал свою монтировку.

Я попытался сосредоточиться. Отбросить все помехи и «послушать» землю в том направлении.

И… почти ничего. Ни тяжёлой поступи крупного хищника. Ни скрежета копающих когтей. Только мелкая, суетливая вибрация. Рассыпчатая. Как от стаи перепуганных крыс, бегающих туда-сюда.

– Небольшое, – доложил я. Не отрывая внутреннего взора от этих дрожащих сигналов. – Много особей. Но неглубоко, почти у поверхности. Не похоже на атаку.

– Споровые мыши, – почти сразу определил Келлан. Он слегка опустил арбалет, но не убрал его. – Безобидные падальщики. Если их не провоцировать и не попадать между ними и их выводком. Судя по движению, идут мимо. Стороной.

Однако Элиас, похоже, не успокоился. Он видел, как шевелятся кусты. Слышал тот же непонятный шорох. И его картэнская выучка, всё ещё оторванная от местных реалий, требовала ясности. И действия.

Его рука непроизвольно потянулась к поясу. Где висел изящный жезл.

– Надо проверить! Безопасность же… – он, нарушая приказ, сделал резкий шаг в сторону от группы. К самой зыбкой границе между протоптанной тропой и ядовитыми зарослями.

– Стой! Назад! – рявкнул Горн. Но было уже поздно.

Элиас, решив проявить инициативу, выхватил жезл. И, не целясь, протянул его в сторону кустов. На кончике вспыхнул сгусток магического света. Яркий, ослепительно-белый, безвредный «всполох». Стандартный картэнский приём, чтобы выгнать скрывающуюся тварь на открытое место. Оценить угрозу.

Свет ударил по кустам. Осветил их на миг неестественной белизной.

Раздался пронзительный, множественный визг. Тонкий, полный чистой животной паники.

И из зарослей, словно подброшенные взрывом, высыпало с полсотни мелких существ.

Они были покрыты хитиновыми пластинками, облепленными споровыми наростами. Размером с крупную кошку, с длинными голыми хвостами. Крошечные глазки горели красным светом.

Они не бросились на нас с агрессией. Вместо этого, ослеплённые и перепуганные магической вспышкой, в панике бросились прочь. И самым коротким путём – прямо под стену. В узкую, тёмную щель между фундаментом и неустойчивым грунтом. Именно в тот самый участок, который я только что отметил как зону разрыхления.

И тут я почувствовал.

Не ту мелкую дрожь от споровых мышей. Это шло из глубины. Из тёмных, спящих пластов под нашими ногами.

Ответную, тяжёлую, ленивую вибрацию. Будто огромное существо перевернулось во сне. Затем – настороженную пульсацию, нарастающий интерес.

Что-то проснулось. Что-то, спавшее глубоко под землёй, было привлечено внезапным шумом, суетой на поверхности и – что было, возможно, главным – короткой, яркой вспышкой чужеродной магии.

Эта вспышка прожгла сонный покой, как сигнальная ракета.

Вибрация сменилась на чёткий, целенаправленный импульс. Он поднимался к поверхности с пугающей скоростью.

Что-то… большое. Зубастое и голодное.

– Назад! – закричал я.

Срываясь с места и отпрыгивая от стены так резко, что чуть не упал. Моё предупреждение вырвалось хриплым, полным чистого ужаса воплем.

– Все от стены! Немедленно! Сейчас будет…

Договорить не успел. Земля под тем самым слабым участком содрогнулась, затрещала. Прошла вечность в два вздоха. И тогда она вздулась, как нарыв. На мгновение воцарилась зловещая тишина.

А затем из-под земли, прямо в том самом месте, которое я отметил как опасное, вырвался не фонтан. Целый взрыв комьев земли, камней и едкой пыли. И из этого хаоса, как чёрная торпеда, вылетело существо.

Оно было похоже на гигантского слепого червя. Но это сравнение не передавало его сути. Тело, толщиной с бочку, было покрыто не кожей. Слоями слипшегося хитина и минеральных отложений. Как броня. Но самое жуткое – пасть. Она раскрылась. И это была не пасть. Концентрический бурав из ряда в ряд идущих, острых как бритва зубов. Ведущих в тёмную, бездонную глотку. Оно было меньше вчерашнего колосса – метра три в длину. Но находилось прямо здесь. В двух шагах от нас. Его тупая, лишённая глаз голова метнулась к ближайшей движущейся цели – к Элиасу, который всё ещё стоял, оглушённый собственным поступком.

Тот застыл в полном, парализующем ужасе. Лицо обез-

движилось. Глаза стали круглыми и пустыми.

Сигрид вскрикнула. Её рука инстинктивно потянулась к жезлу, но застыла в нерешительности.

Келлан уже поднимал арбалет. Его движения были отточены до автоматизма. Но в его глазах я успел увидеть холодный расчёт: он понимал, что не успеет. Стрела найдёт цель на долю секунды позже, чем эти зубы сомкнутся на картэнце.

Я действовал не думая. Мозг отключился. Сработали древние инстинкты и та часть меня, что уже срослась с камнем. Рука сама выхватила мой сланцевый щуп из-за пояса. Я не стал бить им тварь – против этой брони он был как зубочистка. Вместо этого я со всей силы, с коротким рыком, вогнал острый конец чёрного камня в землю. Не в тварь. В землю прямо между чудовищем и окаменевшим Элиасом. И вложил в этот удар не просто физическую силу. Я вложил в него тот самый импульс, порыв, немой крик-приказ, который у меня едва получился вчера в отчаянии.

Я мысленно вцепился в каменные породы под ногами. В ту самую слабую зону. И рявкнул изнутри:

«СТОЙ! ВЗДРОГНИ! ОТБРОСЬ!»

Земля под остриём щупа содрогнулась. Не обширно и губительно, как вчера. Точечно, резко. Как судорога. Камень среагировал. Не так, как я ожидал. И не так, как, вероятно, должен был. Но он среагировал.

От точки удара в сторону червя мгновенно, будто вырастая из-под земли, образовался небольшой, но невероятно

плотный и острый выступ. Каменная волна. Шип, гребень высотой в полметра.

Он не ударил тварь. Он резко, снизу вверх, врезался в нижнюю челюсть и в саму раскрытую пасть нацелившегося червя.

Раздался скрежещущий, противный звук. Будто ломают старую кость.

Существо отпрянуло, оглушённое и сбитое с толку этой неожиданной преградой. Его голова дёрнулась в сторону. Зубы сомкнулись впустую, скрежеща о камень.

В этот миг, тонко рассчитанный Келланом, болт из арбалета со свистом рассек воздух. С глухим чвакающим звуком вонзился твари в незащищённый бок. В узкую щель между бронированными пластинами.

Тварь издала звук. Не визг. Нечто среднее между шипением змеи и рёвом поршня.

Она забилась, извиваясь, подрывая клубы земли. И, оставив после себя вонючую слизь и торчащий из бока болт, юркнула обратно в свою только что проделанную нору. Земля над провалом с грохотом обрушилась, завалив вход.

Наступила тишина. Оглушительная после рёва и скрежета. Её нарушало только тяжёлое, сдавленное дыхание Элиаса. Он сидел на земле, белый как мел. Взгляд пуст, направлен в никуда. И тихий, едва слышный шелест – последние споровые мыши давно уже разбежались.

Горн медленно, словно проверяя прочность земли под но-

гами, подошёл ко мне. Его взгляд упал на щуп, всё ещё торчащий из земли. На небольшую, но чёткую трещину, расходившуюся от него. И на тот странный, неестественный каменный гребень, который теперь навеки стал частью ландшафта у стены.

– Контролируемый точечный удар, – произнёс он.

В его обычно плоском голосе прозвучал оттенок чего-то, похожего на удивление. Граничащее с восхищением.

– Не просто чувствуешь движение или слабину. Можешь и отвечать. Пусть пока одним словом и криком. Но можешь.

Я выдернул щуп. Моя рука дрожала мелкой, неконтролируемой дрожью. Будто после долгого напряжения.

Внутри всё было пусто и гудело одновременно. Это стоило колоссальных усилий. Будто я протащил на себе каменную глыбу через всю долину. Теперь каждое движение отзывалось глухой болью в висках и в самой глубине грудной клетки.

– Получилось… почти случайно, – хрипло выдохнул я. Опираясь на щуп, чтобы не пошатнуться.

– Случайность, которую ты сумел направить и использовать, – парировал Горн.

Его взгляд стал оценивающим. Перестал быть просто взглядом инструктора на подопечного.

– Это и есть основа мастерства. Остальное – тренировка.

Затем он резко обернулся к Элиасу. И всё тепло мгновенно испарилось с его лица. Сменившись ледяной, беспощад-

ной холодностью.

– А ты.

Элиас вздрогнул. Поднял на него мутный взгляд.

– Нарушил прямой приказ. Спалил нашу позицию магической вспышкой, будто сигнальной ракетой для всего, что спит в этих скалах. Почти стал кормом для твари.

Горн сделал шаг вперёд. Элиас невольно отполз назад по земле.

– И, что хуже всего, подвёл товарища, который по плану должен был тебя прикрывать, а не наоборот.

Он выдержал паузу. Давая словам врезаться как нож.

– С этого момента ты отстранён от полевых работ до особого распоряжения. Твоё место – в крепости. На хозяйственных обязанностях.

Горн кивнул девушке.

– Сигрид, отведи его назад. И проследи, чтобы по дороге он не устроил ещё одного «магического шоу».

Сигрид молча, без тени сочувствия на лице, подошла. Взяла Элиаса под локоть. Помогла ему подняться.

Тот шёл, не глядя по сторонам. По-прежнему бледный и дрожащий.

Их фигуры медленно растворились в утреннем мареве по направлению к воротам.

Келлан, спокойно перезаряжая арбалет, подошёл ко мне.

– Неплохой удар, – сказал он просто, но в его глазах светился неподдельный интерес. – Точечный, резкий. Мог бы

перебить хребет помельче. Научишь, когда сам научишься?

– Если научусь сам, – хрипло ответил я, чувствуя, как дрожь понемногу отступает, сменяясь глубокой, всепоглощающей усталостью.

Мы закончили обход без дальнейших происшествий. Но атмосфера изменилась.

Остаток пути я шёл, чувствуя себя физически выжатым. Будто меня пропустили через пресс. Но… иначе.

Что-то внутри щёлкнуло. Будто встало на место.

Вчера это было отчаяние, бессильная ярость. Сегодня – точное, осознанное действие. Пусть и рождённое в панике.

Мастер Крейн спрашивал, можно ли направлять дар, а не просто пассивно чувствовать. Оказывается, можно. Пусть пока коряво. С чудовищными затратами сил. С последствиями, от которых темнеет в глазах. Но можно.

Земля не просто говорила со мной. Она ответила.

Когда мы вернулись в крепость, новость уже ждала нас. Обогнав по каким-то своим, невидимым каналам. История о «геоманте с Ульбранта, который одним каменным шипом отогнал зубастого глубинного червя», уже гуляла по казармам. Обрастая невероятными подробностями. Говорили, будто я расколол землю до самого горизонта. Будто червя было с десяток. Будто я запечатал нору целой скалой.

Местные – рабочие, солдаты, другие инструкторы – смотрели на меня теперь с ещё большим уважением. Не просто признание полезности. Нечто вроде суеверного почтения к

человеку, который может говорить с камнем на его языке.

А вот картэнцы… Их взгляды стали сложнее. Раньше это была просто неприязнь чужака. Теперь к ней добавилась тень страха.

Страха перед тем, чего они не понимают. Перед силой, которая не вписывалась в их аккуратные учебники по магии. Перед тем, кто мог заставить саму планету ответить ударом на удар.

И этот страх был куда опаснее простой неприязни.

Глава 8

Леха встретил меня у ворот. После обязательного, сухого разбора инцидента у Горна.

Он просвистел сквозь зубы, прислонившись к грубому камню стены.

– Не скучаешь, я смотрю. Один против зубастой туши с каменным прутиком, – сказал он. В его голосе сквозила не столько насмешка, сколько некое деловое одобрение. – Только вот спецэффекты, я смотрю, самые что ни на есть натуральные.

Он кивнул на мою руку. Та всё ещё едва заметно дрожала.

Я лишь хмыкнул в ответ. Слишком уставший для полноценного разговора. Усталость была особой – не только физической. Ментальной. Будто часть мозга, отвечающая за что-то очень древнее, была вывернута наизнанку. И теперь медленно возвращалась на место.

Вечером в столовой всё стало окончательно ясно.

За мной моментально, словно по негласному приказу, закрепилась слава. «Червеборец». Или, как изрёк кто-то из поварят, «червечувак». Хотя мне куда ближе был вариант Лехи – камнечувак.

Обстановка в зале была какой-то насыщенной, густой, наэлектризованной слухами.

Когда я подошёл к раздаче, женщина с плоским, как бы

вырубленным из дерева лицом, не глядя, шлёпнула в мою походную миску не один, а два увесистых куска мяса.

Не обычной серой, отварной требухи. А жирного, тёмно-коричневого, с четкими прожилками. Пахнущего настоящим дымом, а не озоновой обработкой.

– Герою дня, – буркнула она. Не меняя интонации.

Но в этих двух словах прозвучало нечто весомое. Возможно, уважение. А возможно, простой, циничный расчёт: сытый, довольный и чувствующий свою ценность специалист куда полезнее. Чем голодный и обиженный новичок.

На Пальноре практицизм был высшей формой морали.

Я ел, сидя чуть в стороне от общего гвалта. Но краем уха, как радар, ловил обрывки разговоров.

Обсуждали, конечно же, трещину, червя, моё «камнешептание».

Местные, рабочие и солдаты, говорили с прямым, грубоватым одобрением: «Молодчага, сразу видно – парень с землёй на короткой ноге. Не кисляк картэнский».

Картэнцы же, сбившись в свои кучки, вели разговоры тише. С опаской и привычным высокомерием: «Примитивная, но несомненно полезная чувствительность к субстрату… феномен требует изучения… потенциально опасен, если не взять под контроль…».

Но больше всего, громче и тревожнее, говорили о порталах.

Слух о том, что их отключили не просто из-за планового

ремонта, а из-за какой-то «аномалии на магической линии», уже обрастал самыми дикими деталями.

Кто-то шептался про катастрофический выброс энергии с Верайна. Кто-то – про диверсию неких враждебных сил. Кто-то – просто смачно злорадствовал: «Эти картэнцы своим гламуром и тонкими настройками всё поломали, а теперь с нами в одной яме сидят».

Воздух в столовой был густ от тревоги. Щедро приправленной злорадством по отношению к застрявшим тут не по своей воле аристократам.

Мы все были в ловушке. Но у них отняли их привычный, комфортный выход на свободу.

Вскоре после ужина я уже сидел на своей жесткой койке. В полутемной казарме. Механически чистил сланцевый щуп тонкой, промасленной тряпицей. Грязь и липкий, тёмный налёт въелись в поры камня.

Мысли, несмотря на усталость, метались. Возвращаясь к кадрам минувших дней, проигрывая их снова.

Дрожащая под ногами земля. Рёв работающих на износ стабилизаторов. Тупая, слепая ярость червя в его прыжке.

Потом – к странному предупреждению Лехи. И ещё более загадочной, изучающей заинтересованности Эмми.

И наконец – к этому тёмному, дымному куску мяса в миске. Плата.

Первый явный, недвусмысленный знак. Что моя роль здесь изменилась. Из серой, безликой массы новичка я стал

«специалистом». И с этой новой меткой пришла не только добавка к пайку. Пришла куда большая, давящая ответственность. И внимание. Разное.

От местных – тяжёлое, оценивающее. От картэнцев – холодное, аналитическое. Словно я превратился в интересный, но потенциально опасный экспонат.

Тихий скрип двери. И ко мне, бесшумно ступая по грубому полу, подошёл Келлан. Он молча сел на соседнюю койку. Достал свой боевой нож и точильный брусок. Принялся за работу. Металлический скрежет был тихим, почти медитативным. Ритмичным.

– Горн говорил с Крейном, – сказал он. Не поднимая глаз от лезвия. На котором под бруском появлялась тонкая, блестящая полоска. – Твои успехи впечатлили даже того засранца в очках. Настолько, что планы поменялись.

Я перестал тереть щуп. Ожидая продолжения.

Келлан сделал ещё несколько плавных движений.

– Завтра у нас новое задание. Не учебная прогулка вдоль стены. Настоящее. Обнаружили древние руины. В трёх, может, четырёх часах ходьбы к западу, в предгорьях.

Он поднял глаза. Взгляд был серьёзным, без обычной едкой усмешки.

– Постройки докризисной эпохи. Ещё до того, как Пальнора совсем поехала крышей. Возможно, научные лаборатории. Возможно, что-то ещё. Крейн рвётся туда как угорелый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.